

БАБА ЛЮБА ВЕРНУТЬ СССР ФОНД А.

4

Фонд А.
Баба Люба. Вернуть
СССР. Книга 4

*<https://litres.ru/73878941>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Ну, Америка, держись! Приключения бабы Любы, которая попала в 1992 год, продолжаются.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	62
Глава 6	76
Глава 7	90
Глава 8	104
Глава 9	118
Глава 10	134
Глава 11	148
Глава 12	162
Глава 13	176
Гл	190
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Фонд А.

Баба Люба. Вернуть СССР. Книга 4

Глава 1

Мдя.

Ну что можно сказать? Я покрутила головой в поисках нужного направления. Надписи исключительно на английском изрядно бесили. Нет, так-то худо-бедно язык я знала и понимала, ещё с прошлой жизни, но вот постоянно напрягаться и вспоминать, что означает это или то слово – бесит.

Не знаю, кто придумал, что английский язык должен быть международным, но, как по мне – это несправедливо. Нет, я понимаю, что большинство стран на нём говорят, но в целях моральной компенсации можно же было вменить всем англоязычным гражданам учить, к примеру, русский? Хотя нет, лучше – суахили. Или даже норвежский. Да, норвежский – идеально! Там одни названия пока выговоришь – с ума сойдешь.

В общем, пока я злилась и пыталась сориентироваться по бумажной карте города, в какую точно сторону нам поворачивать, Белоконь вдруг сказала:

– Нам туда!

Причём голос у неё был такой уверенный-уверенный.

– Почему это туда? – сразу же возмутилась Рыбина. – А я вот считаю, что вон туда!

И она показала совершенно в противоположную сторону.

Усилием воли я подавила вспыхнувшее раздражение. Это две дамочки меня уже мягко говоря подзадолбали. Хотя я, конечно, сама виновата: не нужно было вестись на их льстивые уговоры и идти искать дешёвые магазины. Нет же, захотелось по-бабьи выпендриться, дескать, я в той жизни поездила по заграницам ого-го и в любом месте могу сориентироваться на раз, будь это хоть деревушка Зимбабве, хоть даже Сингапур. Ну, понятно, что этого я им не сказала, просто клятвенно пообещала, что свожу.

И да, я прикинула, что в центре Бруклина нам ловить нечего, цены знатно кусаются, поэтому мы сели на автобус и отправились в пригород. Точнее – в гетто, где компактно проживали всякие арабы, негры и прочие второсортные народы, которых демократичные американцы не желали лицезреть в уважаемых районах для белых. И вот именно там, в таких вот гетто, я точно знала, что можно по дешёвке приобрести реплики самых лучших брендов одежды и обуви. И прочего барахла. И главное – за копейки. За условные, конечно же, копейки.

Всё было бы хорошо, но чёрт дёрнул меня закемарить в пути и прозевать нужную остановку. А всему виной эта иди-

отская акклиматизация и часовые, мать их так, пояса, сон полностью сбился, и я почти сутки нормально не спала. А под мерный шум автобуса меня сморило и остановку я соответственно проворонила.

В общем, мой косяк, да, не спорю. Хорошо, что одну только.

Поэтому теперь я подслеповато шурилась, вглядываясь то в карту с мелкими надписями на английском, то в нагромождение бетонных коробок, и тщетно пыталась хоть как-то сориентироваться.

– Нам туда, говорю! – опять напомнила о себе Белоконь.

– Почему это туда? – моментально взвилась Рыбина.

Ответ Белоконь меня добил, и я поняла, что мало что понимаю в душе русского человека:

– Мы, когда выезжали, солнце светило нам в лицо, – бесхитростно ответила Белоконь, – ехали мы где-то два с половиной часа, поэтому солнце сейчас должно светить в спину. Исходя из этого, нам вон туда.

У меня, мягко говоря, отвисла челюсть.

– Мой дед был охотником, – пояснила Белоконь. – И отец был охотником. И брат охотник. И муж тоже охотник. Так что не спорьте. Нам – точно туда.

Аргументов, чтобы опровергнуть, у меня не нашлось. Кроме того, сверив с картой, я наконец сообразила, что нам действительно именно в ту сторону.

– Ой, девочки, смотрите! – поражено охнула Зинаида

Петровна.

Мы синхронно туда посмотрели: огромная мулатка в ярко-лимонных лосинах на необъятно-жирной попе флегматично прыгала через скакалку. При этом могучие складки её живота волнами покачивались в такт.

– С ума сойти, – неодобрительно прокомментировала Рыбина и покачала головой.

– Это ж надо так разожраться, – фыркнула и себе Белоконь – Фу!

– Да тише вы! – шикнула на них я. – Здесь такое не приветствуется. Тем более к неграм.

Я точно не помнила, когда у них началось всё это резкое пресмыкание перед неграми – в девяностых или позже, поэтому на всякий случай решила разбушевавшихся дамочек приструнить, от греха подальше, как говорится (толерантность же и всё такое прочее).

– Да мы же ничего такого! – начала оправдываться Рыбина. – Просто мало того, что она так разожралась, так ещё и лосины эти ужасные на себя напялила. В облипочку! Она что, не понимает, что это мерзко выглядит?

Лекцию о бодипозитивных людях я им читать не стала, кроме того, я тоже не помнила, когда вся эта любовь к небритым подмышкам и жировым складкам у них началась. Вместо этого я просто сказала:

– А может, она болеет? А врач велел спортом заниматься, а из-за габаритов нормального спортивного костюма по-

добрать не может. Давайте постараемся не обращать внимания... мы же культурные люди...

– Тем более, здесь есть на что обращать внимание! – моментально поддержала меня Белоконь.

Рыбина недовольно вспыхнула, но в полемику не полезла. Какое-то время мы шли молча. Я радовалась, что Рыбина и Белоконь угомонились и уже не с таким ошалело-диким видом крутят головами по сторонам, а главное – они замолчали. Да и дорогу, кстати, мы всё-таки нашли правильную. Так что ещё каких-то минут десять, и мы выйдем туда, куда надо. А именно – на вожделенный забугорный базар.

Пригород Бруклина практически не отличался от центра, разве что дома стали поменьше, да народу чуток поубавилось. А в остальном – всё то же самое, от запаха бензина в воздухе до рекламной пестроты. После попадания сюда из двадцать первого века обилием бигбордов и пёстрых магазинов меня было не удивить, а вот женщины от всего этого «великолепия» ошеломлённо притихли.

– Ой, смотрите! – охнула Зинаида Петровна, уставившись на огромный рекламный щит, размерами с высотку, рекламирующий кока-колу.

– Это же кока-кола! – обрадовалась Белоконь. – Надо найти и купить! Меня мои просили. Заказов куча.

– Так у нас же дома есть, – удивилась я, – во всех ларьках продается. Зачем же тащить такую тяжесть домой?

– Так то не такая! – покачала головой Белоконь. – А это

же американская!

– Давайте-давайте, – хмыкнула я, – пейте кока-колу и budete, как та негритоска в лимонных лосинах.

– Можно подумать, это она из-за кока-колы так, – хмыкнула Рыбина.

– Именно из-за неё.

– Ничего подобного! Кока-кола очень даже полезна! В ней много витаминов и микроэлементов! – поддержала извечную соперницу Белоконь. – Вы, Любовь Васильевна, разве рекламу не смотрели?

– И что с того? – пожала плечами я. – Это же реклама.

– По телевизору врать не будут! – убеждённо заметила Рыбина.

Дальше спорить я не стала. Воспитанные советским телевидением и цензурой люди в те времена свято верили, что чепуху по телевизору не покажут и книги тоже никогда не врут. Чтобы изменить мировоззрение, должно пройти ещё как минимум три десятилетия, чтобы они наконец поняли, каким шлаком забивают нам головы.

Пока мы болтали, незаметно дошли до нужного квартала.

– Кажется, нам сюда, – сказала я и увлекла их в закуток.

Здесь, прямо на улице, по обеим сторонам от дороги, продавали барахло: одежду, обувь, сумки, шляпы, чемоданы, всякие безделушки и прочее, и прочее.

Огромные стойки с джинсами, плащами из кожзаменителя, ярко-розовыми и голубыми мини-юбками, ковбойски-

ми шляпами и так далее стройными шеренгами выстроились прямо на тротуарах. Покупателей здесь было мало, поэтому нашу тройку буквально оккупировали всевозможные продавцы африканского либо латиноамериканского происхождения, тыча нам какие-то тряпки прямо в лицо.

– Да отстаньте вы! Я сама себе выберу! – возмущённо воскликнула Белоконь и попыталась отпихнуть бородатого выходца из Гаити с дредами и красными глазами, который попытался ей всучить горсть разноцветных фенечек.

– Оу! Рюсишь! Рюсишь! Советик рюсишь! – слышались возгласы, и ряды продавцов сомкнулись плотнее, атаковав нас с удвоенной силой.

Честно говоря, я аж растерялась.

Но не успела я придумать, как выдернуть отсюда обалдевших женщин, как вдруг Белоконь заорала не своим голосом:

– Ханде хох! Ау фидерзейн, кэмэл!

От неожиданности от нас отстали.

Воспользовавшись моментом, мы выскочили на соседнюю улочку. Здесь тоже были ряды с одеждой и прочим барахлом, но продавали всё это китайцы. Или вьетнамцы (я их всегда путаю). В общем, народы Азии.

Эти просто нам улыбались и вежливо кланялись. Рыбина воспринимала это близко к сердцу и каждый раз кланялась в ответ.

Не выдержав, я расхохоталась и сказала Белоконь:

– Как вы им ответили! – я снова залилась смехом. – Вот

только почему на немецком?

– Что вспомнила, то и ответила, – смутившись, буркнула Белоконь, – зато они отстали.

– А почему вы его верблюдом назвали? – Я всё никак не могла отсмеяться.

– Почему верблюдом? – забеспокоилась Белоконь. – Я не называла!

– Но кэмэл – это верблюд. На английском.

– Это сигареты! – безапелляционно ответила Белоконь. – Я точно знаю! Моему мужу такие подарили. Целый блок!

Я не нашлась, что ей ответить. Ведь и вправду – сигареты.

– Что, будем у узбеков покупать? – спросила Рыбина.

– Почему у узбеков? – сначала не поняла я, но потом сообразила и опять рассмеялась. – Это же китайцы.

– Не важно, – отмахнулась та, – так мы будем здесь отovarиваться?

– Думаю, лучше здесь, – кивнула я, – товар и тут, и там одинаковый, полагаю, цены тоже. Но продавцы хоть вежливые. А туда я возвращаться не хочу.

– Я тоже не хочу, – согласилась Белоконь, – давайте здесь.

– Только сначала нужно прицениваться, а потом – торговаться, – сказала я. – Так можно цену почти в три раза сбить.

– Да неудобно как-то, – покраснела Рыбина.

– Если у вас есть лишние деньги, Зинаида Петровна, то не торгуйтесь! – хмыкнула Белоконь. – А мне заказов кучу поназаказывали, а денег в обрез. Так что я буду торговаться

до последней капли крови!

– А я не умею, – растерянно протянула Рыбина.

– Я тоже не умею, – сказала Белоконь, – но, надеюсь, Любовь Васильевна научит. Правда же, Любовь Васильевна?

Я кивнула: мол, правда.

И мы устремились навстречу его величеству шопингу.

И понеслось.

Но как мы ни торговались, как ни старались, улыбчивые продавцы сбрасывали сущие копейки. Так как денег у нас было маловато, то купить удалось не так чтобы и много. Я взяла всем детям по три футболки (Ричарду – черную, серую и белую с зомби и черепами, Анжелике – розовую, белую и фиолетовую с цветочно-геометричными принтами, а Изабелле – салатную, малиновую и голубую с Микки-Маусом и принцессами). Удалось практически за два доллара взять три бейсболки с непонятной эмблемой. Очевидно, они были от какого-то спортивного клуба, поэтому продавец сбыл мне их с видимым облегчением. Джинсы Ричарду я тоже купила сразу. А вот для девчат денег осталось впритык. Нет, у меня были в запасе деньги, полученные за «помощь» в поступлении нерадивых чадушек в колледж, но тратить их в первые дни на шмотки я не хотела. Поэтому взяла с собой лишь небольшую сумму. Которая истаяла моментально. А ведь ещё надо Любашиному отцу подарок купить. Он-то отнекивался: мол, не вздумай, доча, куда мне, мол, старому. Но я же прекрасно понимаю, что если обделю его, то обид будет

– что ой. Старики, они же как дети. Им не подарки нужны, а понимание, что эту вещь выбирали именно для них. Вниманье и забота.

В общем, с деньгами я прокололась конкретно. Надо было, конечно, больше брать с собой. Нет, в Америку я их все взяла, но спрятала в комнате, где мы теперь жили (скрутила в тугой рулончик и сунула в трубу от карниза – самый надёжный способ, никто никогда не найдёт).

Белоконь взяла три пары мужских джинсов и две футболки и на этом тоже иссякла. Больше всего нагребла Рыбина – та прикупила себе и мужу джинсовые куртки, а детям – джинсовые брюки и бейсболки. На остальное денег тоже не хватило.

И сейчас мы шли обратно, тяжело вздыхая.

– Вот почему нам суточные не выдали наличкой! – возмущалась Белоконь. – Кормят всех вместе. А мне не надо столько еды, как мужикам! Мне бы два раза в день чаю попить с печенюшкой вполне хватило бы. Чай я с собой из дома взяла. А на эти деньги я бы лучше ещё ангорский свитер прикупила и тот плащ. Вы видели, какой там был кожаный плащ? Он же бирюзового цвета! Такого в Калинове ни у кого точно нету!

– Вот потому наличку и не выдали, – усмехнулась я, – за эти две с половиной недели вы бы, Ирина Александровна, себя точно голодом уморили бы.

– Ой, да какой голод! – отмахнулась та. – Знаете, я, когда

училась, у меня стипендия была совсем крошечная. А тут как раз в универмаг туфли выбросили, югославские. И я пошла и купила. Ещё и у Машки червонец заняла. Так мне потом пришлось почти два месяца на одних макаронах сидеть. Раз в день ела. Но тогда можно было в нашу столовку ходить – там хлеб на столах был бесплатно. И чай наливали тоже бесплатно. Вот так и я продержалась. И ничего, не умерла.

– Сколько вам тогда лет было, Ирина Александровна? И сколько сейчас? – покачала головой я. – Все лучшие американские шмотки не стоят загубленного здоровья.

– Но плащ... бирюзовый... – печально вздохнула Белоконь.

– Ой, девочки, смотрите! Красота какая! – восхищённо выдохнула Рыбина, во все глаза разглядывая спешащую навстречу прохожую. – Как она всё под цвет подобрала! Я тоже розовую юбку хочу. Всю жизнь мечтала о такой!

Я посмотрела на кричаще-розовый прикид явно немолодой женщины с ярко-подведённым ртом и ничего не сказала. А вот Рыбина и Белоконь восхищённо заохали.

– Так, девочки, – строго велела я, вытаскивая карту, – двухминутная остановка. Сейчас я посмотрю, где тут автобусная остановка. Вы стойте рядом. Видите, какое здесь движение?

– Так вон же остановка! – показала пальцем Рыбина. – Вон и автобус отъехал!

– Зинаида Петровна, – мрачно сказала я, – нужно понять,

где остановка конкретного автобуса номер двести шесть-Б. А то ещё уедем куда-то на Аляску.

– До Аляски автобусы из Бруклина не ездят... – затупила Рыбина и добавила очередной «перл»: – Это же далеко.

Пока мы препирались, Белоконь отошла на два шага и с облегчением поставила тяжелую сумку на бордюрик, отделяющий тротуар от дороги. И тут неожиданно к ней бросилась собачонка и принялась злобно лаять, нападая на сумку с джинсовыми подарками в попытке её цапнуть.

– А ну пошла вон! Пошла вон, я сказала! – вызверилась Белоконь и попыталась отпихнуть собачонку от своих вещей.

Та, заливаясь ещё более яростно, не послушалась и продолжила атаковать.

Тогда Белоконь, гневно взревев, ухватила шавку за волоочащийся поводок и приподняла её в воздух.

Та отчаянно заверещала на самой высокой ноте, мотыля в воздухе кривоватыми лапками-сосисками.

Моментально сзади раздался полицейский свисток. Рядом с полицейским истошно вопила какая-то дамочка. Белоконь застыла на месте злодеяния, продолжая преступно держать собачонку в воздухе.

Женщина, очевидно, хозяйка собачки, налетела на нас и что-то быстро-быстро залопотала на английском.

– Девочки, кто-то её понимает? – растерянно спросила Белоконь, но собачку, которая зло рычала и ярилась, так и не

отпустила.

– Думаю, это хозяйка собаки и сейчас у нас будут проблемы, – пробормотала Рыбина и с упрёками набросилась на Белоконь. – Вам же Любовь Васильевна сказала рядом стоять. Зачем вы эту собаку ловить начали?

– Так она на меня набросилась! Чуть вещи не порвала! – попыталась пояснить растерянная Белоконь, не зная, отбиться от злобной хозяйки и полицейского или от Рыбиной.

Полицейский что-то нам говорил, что-то спрашивал.

К сожалению, от стресса весь мой английский моментально улетучился, что уж говорить про Рыбину и Белоконь. На ум почему-то лезло только «Хенде хох» и «Даст ист фантастишь». Но понятное дело, говорить это полицейскому я не стала.

В общем, потащили нас в участок, разбираться.

Пока выясняли, почему мы не отвечаем, пока ждали переводчика, прошло около двух часов. Всё это время я переживала, что дело плохо может закончиться, ведь хозяйка собачонки была настроена крайне враждебно и решительно. Поэтому, пока Рыбина и Белоконь переругивались между собой, я сидела и пыталась найти выход из ситуации. Но ведь и хозяйка, и полицейский собственными глазами видели, как Белоконь вздёрнула собачку в воздух. И вот как теперь отмазаться? Платить штраф ужасно не хотелось. Денег было жаль, да и скандал потом будет, что ой.

Наконец переводчик пришел. Это был приземистый муж-

чина с оттопыренными ушами и печальными библейскими глазами.

– Михаил Давидович, – вежливо представился он нам и принялся переводить.

Хозяйка собачки набросилась на нас с претензиями, бедный Михаил Давидович еле-еле успевал переводить. По версии хозяйки, Белоконь набросилась на собачку и принялась её душить, чем ввергла несчастное животное в стресс, и, мол, теперь ей придётся возить её к психологу и по врачам.

– А что, бывают собачьи психологи? – обалдела Белоконь, которая так разнервничалась, что руки её мелко дрожали.

И тут меня осенило:

– Ирина Александровна, отвечать буду я. А вы молчите, пока я не разрешу. Вам это ясно? – шепнула я Белоконь, пока Михаил Давидович разговаривал с полицейским и хозяйкой собачки.

– Миссис Томпсон говорит, что лечение бедного животного обойдётся в крупную сумму, на которую она согласна, чтобы вы возместили, – сказал переводчик, промокая возпревшую лысину клетчатым носовым платком, – и тогда она не будет писать заявление в полицию.

Он посмотрел на нас и тяжело вздохнул:

– Я бы посоветовал вам соглашаться. Иначе сейчас такое начнётся...

– Михаил Давидович, переведите, пожалуйста, – попросила его я, – скажите этой женщине, что произошло недора-

зумение...

Он перевел, и женщина аж подпрыгнула от негодования, взвизгнув что-то явно нелицеприятное.

Но я неумолимо продолжила:

– Переводите ей, Михаил Давидович, мои слова. Из-за того, что она проявила преступную небрежность и отпустила бедное животное, оно выскочило на проезжую часть и чуть не погибло под колёсами автомобилей. А Ирина Александровна ценой невероятных усилий успела схватить поводок и спасти жизнь животного, по сути рискуя собой. Потому что по инерции, от рывка поводка, она чуть сама не попала под колёса. Мы это видели. Да хоть сами посмотрите, какие неустойчивые у неё каблуки. И передайте миссис Томпсон, пусть поблагодарит Бога, что Ирина Александровна сама не погибла. И ещё переведите, что нам удивительно и странно вместо слов благодарности слышать оскорбления и подозрения, и что в благодарность за спасение собаки нас повели в полицейский участок. Что мы никогда даже не представляли, что в Америке такие законы по отношению к иностранцам.

Михаил Давидович сдавленно то ли квакнул, то ли хрюкнул, но оставил мои слова без комментариев и принялся торопливо переводить.

Буквально через пару минут атмосфера в помещении изменилась – хозяйка собачки покраснела и принялась бормотать извинения. Полицейские напоили нас чаем с пончиками.

ми.

А когда мы уже выходили из участка, миссис Томпсон что-то робко пролепетала и полезла в сумочку.

Михаил Давидович, который вышел с нами тоже, перевёл:
– Миссис Томпсон сожалеет об этом досадном недоразумении и благодарит вас за спасение Джекки. И просит принять от неё небольшую компенсацию.

Американка ткнула мне в руки несколько купюр и резво побежала по ступенькам, бережно прижимая к себе собачонку. Михаил Давидович раскланялся с нами и устремился следом.

А я посмотрела на деньги: четыреста пятьдесят долларов.
– Девочки, – хрипло сказала я, – кто там говорил, что на плащ и розовую юбку не хватает? Разделим на троих поровну и возвращаемся к китайцам! Шопинг ждёт нас!

Глава 2

Мы возвратились домой, овеянные славой, аки Цезарь после взятия Алезии. Когда наши увидели нас, взопревших и груженных объемными баулами, удивлению их не было предела. А когда Белоконь, а вслед за нею и Рыбина, начали наперебой, хвастливо вытаскивать многочисленные, вкусно шуршащие пакеты и показывать свои бесконечные покупки – то и зависти.

– Где это вы так скупились?! – восторженно удивился Комиссаров. – И почему меня не позвали?

– Моей Танюхе тоже такая юбка нужна, – задумчиво почесал затылок Пивоваров, рассматривая ярко-розовую юбку, которую таки прикупила Рыбина (как на мой взгляд, жуткая безвкусица) – вроде она про такую говорила. Так сколько она стоит, Зинаида Петровна?

Шум и гвалт поднялись такие, что мне захотелось торопливо сбежать в свою комнату.

После приезда в Бруклин нас всех поселили в гостевом комплексе местной общины «Союза истинных христиан». Это было нечто, усреднённо напоминающее небольшой отель или же компактную базу отдыха. Находилось она, правда, почти в самом центре, так что цены здесь не просто кусались, они буквально загрызали насмерть.

Наши, как только прибыли и устроились и первые ахи-охи

от обилия забугорных впечатлений поутихли, первым делом бросились в ближайшие магазины. Ну а что, поездка поездкой, а дома ведь ждут подарков. Американских. Причём попробуй кого-то обделить, сразу такие обиды начнутся, что ой. А усугублялось всё тем, что ведь, кроме ближайшей родни, есть ещё и друзья, и коллеги, и даже соседи. Вот и посчитайте, сколько всего надо. А денег – в обрез.

Поэтому наш «улов» вызвал в группе живейший интерес.

Но здесь следует пару слов сказать о самой группе. Кроме наших, калиновских, куда входили Пётр Кузьмич Пивоваров (который юрист), Ефим Фомич Комиссаров (слесарь), Ксюша Зыкова (она работала наборщиком в типографии), Ольга Ивановна Сиюткина (бывший агроном), Фёдор Степанович Куш (учитель физики), само собой Зинаида Петровна Рыбина и Ирина Александровна Белоконь, я, моя Анжелика и наша переводчица – Валентина Викторовна Кирьяновна (мечтавшая в перспективе стать моей свекровью), были ещё и представители из области.

А вот оттуда, кроме Арсения Борисовича Пожидаева, руководителя областной общины, поехало неожиданно довольно немало народу. Что меня изрядно удивило. Ранее, когда мы с Арсением Борисовичем «торговались» за места в делегации, я выторговала десять мест. Анжелика ехала за счёт американцев, по отдельному приглашению. Но в результате от калиновской общины поехало девять человек. Одно место хитрый Благообразный таки себе обратно выцарапал. Но

зато наши поехали все. А вот Всеволод и Ростислав остались дома. И я уже сейчас ощущала весь спектр их недовольства, когда я вернусь. Но это меня волновало мало, ведь после возвращения я ходить в эту секту больше не собиралась.

От «областных» в результате поехало целых десять человек, если считать Благообразного. К моему удивлению, таки взяли того хамовитого Романа Александровича, с которым мы схлестнулись при делёжке мест в делегации. Фамилия у него была под стать характеру – Ляхов. Вместе с ним была и супруга, Лариса Сергеевна, тонкая хрупкая блондиночка с надменным выражением лица, и тёща, Аврора Илларионовна. С остальными я не особо ещё раззнакомилась: это была какая-то чета пожилых супругов, которые держались особняком, высокий сутулый брюнет с длинным носом, молчаливый и угрюмый, и три дамочки сильно предпенсионного возраста, которые тоже высоко задирали носы, так что и знакомиться с ними особо не хотелось.

И вот когда Белоконь и Рыбина начали свои бесхитростные похвастушки, на шум в вестибюль вплыла Аврора Илларионовна лично. Она была в кроваво-алом китайском халате до самых пят и поэтому старалась идти осторожно, чтобы не наступить. На волосах у неё была сеточка.

При виде такого форменного безобразия – полные сумки забугорного барахла, ноздри её брезгливо-завистливо раздулись:

– Это что здесь за блошинный рынок такой устроили? –

она выразительно посмотрела на разложенные на диване аккуратные стопочки бейсболок, футболок, джинсов и прочего барахлишка. – Сбор хлама для пункта вторсырья?

– А что такое? – моментально вскинулась Белоконь, которая малейшую критику её безупречному вкусу воспринимала, как личное оскорбление, и моментально бросалась навредить справедливость. – Вам что-то не нравится?

– Конечно, не нравится! Мы в гостях! Представляем нашу страну, а вы тут барахолку устроили. Что о нас американские друзья подумают?! – неприязненным голосом отчеканила Аврора Илларионовна. – Что мы тут все шаромыжники какие?! Побирушки?!

– Вы что меня оскорбляете! – звонким от негодования голосом припечатала Белоконь.

– Я не оскорбляю, – брезгливо отмахнулась Аврора Илларионовна, – я констатирую факт. Если вы обратили внимание, это и так всем понятно. Но давайте, милочка, держать свои примитивные инстинкты при себе. Всё-таки чужая страна, другая культура.

В наступившей оглушительной тишине было слышно, как ошеломлённо крикнул Пивоваров.

– Действительно, Ирина Александровна, – подала голос я (не выдержала, хоть и зарекалась никуда не влезать), – не нужно вступать в разборки. Аврора Илларионовна к «Союзу истинных христиан» не относится. Она – тёща уважаемого в области человека, поэтому и позволяет вести себя так с

простыми людьми. Не обращайтесь внимания. Просто нужно перетерпеть её присутствие и всё.

– Да ты кто такая?! – взревела оскорблённая Аврора Илларионовна.

– Списки членов делегации раздавали всем, – миролюбиво ответила я, – можете ознакомиться.

– Я ознакомлюсь! Ознакомлюсь! И вам мало не покажется! Понабирали всякой... – она не договорила, хоть и рвалось нелюбезное слово, и пулей выскочила из холла к себе в комнату.

Все молчали, но как только за нею хлопнула дверь, заговорили разом, горячо, перебивая друг друга.

Ну вот, вечно я куда-нибудь влипаю. Но сама виновата, могла бы и промолчать. Настроение упало, поэтому я задерживаться и принимать участие в этой бурной дискуссии не стала, натомись тихонечко прошмыгнула к себе в комнату.

Мы жили в гостевых комнатах общины. В каждой комнате было по три кровати, шкаф, стол со стульями, небольшой санузел. Миленько, чистенько, аккуратненько.

Мы поселились так: Куш, Комиссаров и Пивоваров вместе, обе «светские львицы», Рыбина и Белоконь, вместе, Ольга Ивановна с Ксюшей и плюс переводчица, а я с Анжеликой. Одна кровать у нас пустовала.

Анжелика ещё не вернулась, так как она приехала по приглашению, то у неё была своя программа и сегодня она уехала с американскими детьми в местный зоопарк. Я поставила

баулы и устало плюхнулась на кровать, сбросив туфли, и с облегчением вытянула гудящие ноги. Мда, кругов намотали мы знатно.

Я сидела, отдыхала и думала, как бы сейчас собрать всю свою могучую волю одним махом в кулак и пойти принять душ. Но в данный момент мне казалось, что на Эверест взобраться гораздо легче, чем заставить себя сдвинуться в сторону санузла хоть на сантиметр.

Пока я преодолевала себя, в дверь поскреблись, и она открылась:

– Можно? – заглянула Сияюткина.

Я подавила вздох: покой нам только снится. Больше всего мне сейчас хотелось упасть прямо там, где я сидела, и проспать примерно тридцать три часа. И чтобы меня никто не трогал.

Но обижать людей нельзя, поэтому я натянула вежливую улыбку и кивнула:

– Да, конечно, проходите. Что вы хотели, Ольга Ивановна?

– Вы меня извините, Любовь Васильевна, но нужно ещё Петра Кузьмича позвать.

– Хорошо, зовите, – удивлённо пробормотала я.

Сияюткина сходила за Пивоваровым, и через минуту они сидели напротив меня на стульях.

– Тут такое дело, – сказала Сияюткина, – я понимаю, что вы устали, что сейчас не до того, но и меня поймите правильно – они же умрут!

– Кто умрёт?! – от неожиданности у меня аж сердце за-
ныло.

– Я же их не кормлю, они долго без пищи не могут, – опять
сказала Сиюткина и посмотрела на Пивоварова красноречи-
вым взглядом.

– Ольга Ивановна прихватила с собой всяких насекомых,
– подмигнул Пивоваров, – пора выпускать.

– И семена! – гордо подхватила Сиюткина.

У меня отвалилась челюсть практически в буквальном
смысле этого слова. Когда мы с Пивоваровым обсуждали
стратегию будущих диверсий, я высказала варианты, но ду-
мала, что мы сейчас просто съездим «в разведку», а вот на
следующий раз уже проведём полноценные операции. А они
видишь, как...

– А как... – начала я, но Пивоваров со смешком перебил:

– А чего тянуть? Знаю, что ты хотела сперва всё выяснить,
а уж потом... Но сама пойми, Любовь Васильевна, мы ведь с
Ольгой уже совсем не молодые. Даже сейчас ты еле-еле смог-
ла выбить, чтобы нас включили, а в следующий раз может
вообще не получится. Или следующая поездка через год или
даже два будет. А мы стареем. Я и этот полёт еле-еле пере-
нёс, хорошо, хоть пересадка была. Думал, сердце развалится
прямо в воздухе.

– А у меня ноги так опухали, что постоянно вставать и
ходить по проходу приходилось, – добавила Сиюткина. – А
больше сюда не полечу, тяжело мне.

– Но...

– У нас соседка к детям летала, правда в Канаду, так рассказывала, что тяжело очень в таком возрасте так далеко летать. Вот я и подумала... что нужно сразу...

Я изумлённо покачала головой.

– Ну а что?! Я – коммунист! Мой муж, мой отец и мой свёкр – все были коммунистами! И хоть Партия сейчас, как говорится, «не в моде», я искренне верю и надеюсь, что из-за кучки обуревающих от безнаказанности «вождей» она разрушена не до конца! И рано или поздно вопреки! И СССР вернется! И будет всё, как раньше!

– И я в это верю, – тихо сказал Пивоваров и ехидно добавил: – Ну а пока мы с Ольгой Ивановной вступили в ЛДПР и провезли в Америку всяких жуков и тараканов.

– Это не тараканы! – недовольно фыркнула Сиюткина. – Это моль-пестрянка! Она широко минирующая, между прочим, Пётр Кузьмич. Я собрала три разных вида гусениц, так что поразим ясеневые леса, кленовые и ещё розоцветные, но это будут сады скорее всего.

– Обалдеть, – вытаращилась я. Но на сердце было почему-то стало радостно. И хоть разрушать природу плохо, но ради спасения моей страны и многих других стран – будем разрушать. Иначе уже скоро начнутся все эти «цветные революции», гражданские войны, взлелеянные американскими «братьями». Нет, этого нам не надо. Пускай лучше с молью на огородах борются. Будет чем у себя заняться – нам

хоть гадить не будут.

– Но это ещё не всё! – воодушевлённо сказала Сиюткина.
– Кроме пестрянок, я взяла ясеневою узкотелую изумрудную златку.

– Звучит красиво, – сказала я.

– Это один из сильнейших и очень агрессивных вредителей. Но особенно златка мощно начинает размножаться и разрушать целые лесные массивы, если вместе с нею подселить один интересенький грибочек-аскомицет, – глаза Сиюткиной мечтательно затуманились. – Я его споры тоже взяла.

– Видишь, Любовь Васильевна, какой среди нас экотеррорист живёт, – хохотнул Пивоваров. – Пока твоя Анжелика все экскурсии до конца досмотрит, от лесов и садов в Америке одни пеньки останутся!

– Да! Я молодец! – легкомысленно хихикнула Сиюткина.
– Я смогла провезти четырнадцать видов и подвидов разных вредителей-насекомых и патогенных грибов. А ещё я прихватила семена.

– Круто! – изумлённо выдохнула я.

– Например, семена борщевика Сосновского, – Сиюткина хитро на меня посмотрела и ехидно добавила: – Пора кормовую базу для их коров подкорректировать.

Пивоваров аж хрюкнул.

– Так что пора это всё внедрять! – усмехнулась Сиюткина, и её улыбка больше походила на полубезумный оскал бе-

шенного хирурга перед операцией по ампутации ноги своего нелюбимого начальника.

– А до завтра они доживут? – спросил Пивоваров. – Чтобы мы стратегию с Любовью Васильевной разработали.

– Скорей всего, доживут, – слегка нервно кивнула Сиюткина, – но я бы не стала так рисковать. Если есть возможность начать сегодня, нужно поспешить. Меня беспокоит златка. Деточку пора покормить. А лучше всего она кушает в естественной среде.

– Согласен! – кивнул Пивоваров и добавил: – Так что, выдвигаемся? Нужно внедрить златку в естественную среду, а то сдохнет.

– Куда пойдём? – я подавила тяжкий вздох (ноги гудели, и я сейчас даже представить не могла, что придётся сделать ещё хоть один шаг).

– В Ботанический сад, – предложила Сиюткина, – можно взять и другие варианты.

– Ботсад сразу нет, – покачала головой я, – там у них свои санитары должны быть, так что не успеет наша златка поужинать, как её чем-то опрыскают.

– Не санитары, а карантинная служба, – вздохнула Сиюткина, но признала. Но так-то вы правы. Нужно такое место, чтобы она там смогла закрепиться и естественных хищников тоже не было.

– Простые парки? Скверы? – предположил Пивоваров.

– Там тоже могут чем-то потравить её, – не согласилась

Сиюткина. – Я думаю, нужно ехать в пригород, искать, где у них ручьи протекают и болотца есть. Это естественные коридоры, по которым златка сможет распространиться очень быстро.

– Она водоплавающая? – хмыкнул Пивоваров.

– По берегам ручьёв растут растения, которые будут кормовой базой для златки, – пояснила Сиюткина, – нам нужно найти сеть ручьёв и речушек и оттуда она уже сама дальше пойдёт. Точнее побежит, и мы тогда...

Договорить ей не дали – в дверь постучали.

Невольно мы вздрогнули.

– Открыто! – крикнула я.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла процессия: старейшина и руководитель нашей группы Арсений Борисович, очень важный человек Роман Александрович и его тёща Аврора Илларионовна.

– Вот она меня оскорбила! – Аврора Илларионовна указала на меня и добавила: – Прилюдно.

– Она и меня оскорбила! В прошлый раз, – недовольно поморщился Роман Александрович и посмотрел на старейшину, – взяли базарную хабалку, вот она тут исполняет.

У меня аж кровь бросилась в лицо – так меня ещё не обзывали.

– Роман Александрович, – тихо сказала я, – извольте покинуть мою комнату. В оскорблениях на своей супруге тренируйтесь. Или вон на любимой тёще. Меня – не надо. А то

я ведь и ответить могу.

– Ну вот я же говорила! – взвилась Аврора Илларионовна. – Сначала оскорбления, теперь уже и угрозы пошли!

И она с еле сдерживаемой радостью и торжеством посмотрела на меня.

– Любовь Васильевна... – начал Благообразный, но Пивоваров решительно перебил его:

– Арсений Борисович! Я там был! И вот Ольга Ивановна тоже была! Как и остальные наши братья и сёстры. И все могут подтвердить, что первая хамить начала вот эта женщина, – он кивнул на Аврору Илларионовну. – Она унизила Ирину Александровну, обозвала её. Причём ни за что! На ровном месте! А Любовь Васильевна всего лишь вступилась за неё. Причём она не обзывала её никак, просто объяснила, что это тёща уважаемого в области человека, поэтому так себя и ведёт. И что нужно просто вытерпеть её поведение.

– Это неуважение! – взвилась Аврора Илларионовна.

– Всё так и было, – подтвердила слова Пивоваров Сиюткина и посмотрела на Ляхова, – вы бы, прежде чем тещу в культурные страны брать, подучили бы её, как с людьми себя следует вести.

– Я попросил бы! – взревел Ляхов. Его и так перекормленное лицо побагровело и раздулось ещё больше. На миг мне стало страшно, что оно сейчас лопнет и забрызгает все стены. Потом отмывать долго придётся.

От этой мысли я усмехнулась.

– Вот видишь, Роман, видишь! – завизжала его тёща.

Поднялся такой шум, что у меня аж голова разболелась.

– Пусть извиняется! – кричала Аврора Илларионовна.

– Я этого так не оставлю! – ярился Роман Александрович.

А я сидела, смотрела на них, и вдруг светлая мысль пришла мне в голову. Я повернулась к Пивоварову и тихо сказала:

– Кажется, я знаю, куда нужно идти! Только надо бы с собой ещё Комиссарова взять.

Глава 3

– А ведь я же говорила! Не надо было их сюда брать, Арсений! – возмущённо воскликнула Аврора Илларионовна. – От них же одни неприятности! А Кларочку и Ираиду Арчибальдовну не взяли из-за этих же?!

Благообразный что-то тихо ей ответил. Но в поднявшемся шуме я не расслышала, хоть и очень хотелось знать, что он про нас ей сейчас сказал.

Нашу перепалку прервал приход американцев. Насколько я поняла, им нужно было что-то уточнить по проповеди, которую Арсений Борисович будет завтра читать в Доме молитв. Поэтому ему пришлось срочно уйти на беседу с ними, а заодно ретировалась и вся семейка Ляховых. Без силовой поддержки они бы явно с нами не справились.

– Мы так это не оставим! – напоследок заявила Аврора Илларионовна и вышла вон, громко хлопнув дверью.

Когда дверь захлопнулась, Пивоваров сказал:

– Пойду-ка я лучше Ефима позову, – и вышел.

А я засыпала вопросами Сияюткину:

– Ольга Ивановна, а как вам удалось всю эту заразу перевезти? Как вас карантинная служба, ну или кто там, в аэропорту, не засекала? И почему вы мне не сказали?

– Да всё просто, – рассмеялась она в ответ, – есть такая хитрость. Меня одна старая лаборантка научила, Марья Ива-

новна. Я ведь не всегда в совхозе работала. Сначала после сельхозинститута, я в аспирантуру поступила и почти полгода в лаборатории НИИ цитологии и генетики работала, по защите растений. И меня научили, как перевозить дрозофил, чтобы в аэропорту не заметили.

– А зачем дрозофил перевозить? – я настолько удивилась, что аж перебила женщину.

– Потому, что они быстро размножаются, практически молниеносно, а у меня часть научной работы была с генетическими мутациями связана. Да это долго объяснять. Не важно, – хихикнула та, – в общем, дрозофил я возила аж из Москвы к нам. А чтобы довезти, я их упаковывала в шоколадные обёртки. Там же фольга. И никакой прибор не увидит. Очень просто: берёшь шоколадку, аккуратно распаковываешь. Из плитки выламываешь или вырезаешь несколько долек внутри, лучше ближе к центру, и туда помещаешь дрозофил. Затем запаковываешь обратно фольгой, потом бумажной обёрткой. И перевозишь себе спокойно.

– Но они же обожрут шоколаду и сдохнут? – изумлённо покачала головой я.

– Дрозофилы не едят шоколад, – с улыбкой покачала головой Сияюткина, – и златки не едят, и так далее.

– А они там не задохнутся?

– Так я иголкой им дырочек проколола, воздуха хватит, – глаза Сияюткиной светились торжеством, – а в сумочку я положила пару плиток. Это не запрещено. Так что досмотр

прошла спокойно.

– Но вы перечисляли много всего, каких-то молей-пестрянок, я уже запуталась, долгоносиков всяких, и вот как они все в пару плиток поместились?

– Так семена сорняков я просто в фольгу завернула и в бутылку с шампунем опустила.

– Ничего не понимаю, – от всего этого у меня аж голова кругом пошла, – но ведь в самолете, там, где багаж едет, там же минусовая температура. Кто-то говорил, что там прямо мороз, градусов тридцать, а то и все минус пятьдесят. Они ведь замёрзнут.

– Да нет же! – рассмеялась Сияюткина. – Кто это вас напугал! Там, конечно, холоднее, чем в салоне, но не так, чтоб сильно. Градусов десять-пятнадцать примерно. Это же не «анушки», это совсем другие самолёты!

Я развела руками: мол, что знала, то и спросила.

– Кроме того, – продолжила Сияюткина, – если бы даже это было так, то тоже ничего страшного. Для семян холод полезен. Стратификация называется. А борщевика вообще ничего не берёт. Такая зараза, прости господи. Иногда мне кажется, что он бы и на Луне смог прорасти.

Когда вернулись мужчины, Пивоваров весело взглянул на нас и оживлённо сказал:

– Так куда мы идём?

Однако ответить я не успела. Раздался требовательный стук и на пороге опять возникла Аврора Илларионовна. Она

была вся красная, ноздри её раздувались от гнева.

– Это ваша девочка такое там вытворяет? – заверещала она мне. – Убирайте её оттуда немедленно!

– Господи, что там ещё случилось? – перепугалась я и аж с кровати подскочила.

– К Арсению Борисовичу пришли мистер Смит и миссис Миллер! – выпалила Аврора Илларионовна. – Уважаемые люди! А эта невоспитанная девица с ними болтать полезла! Прекратите это сейчас же!

– Подождите, Аврора Илларионовна, – растерянно про-
бормотала я, – она что ругается там с ними? Хамит им? Ме-
шает вести переговоры или что?

– Нет, они сами с ней заговорили, но она же могла просто ответить вежливо на вопрос и быстренько уйти. А она стала там болтать! Уже двадцать минут болтает. Это ни в какие рамки не вкладывается! – зашипела Аврора Илларионовна.

– Ну и пусть болтает, – я всё никак не могла взять в толк, что именно её так бесит. – Если они громко разговаривают, то вы можете уйти в свою комнату и не слушать.

– Я не понимаю, что они говорят! – фыркнула Аврора Илларионовна. – Может, она все государственные тайны им рассказывает! А переводчицы рядом нет! Тоже где-то шляется! Развели бардак!

– Откуда ребёнок может знать государственные тайны? – бесхитростно хохотнул Комиссаров. – Но если вы так за нашу страну боитесь, то сходите пожалуйста Арсению Бори-

совичу. У вас это хорошо получается.

– А вас вообще не спрашивали! – зло ответила Аврора Илларионовна и брезгливо поджала губы. – Будут мне ещё всякие сантехники указывать! Знайте своё место!

Лицо Комиссарова пошло пятнами. Но он сдержался и ничего ей не сказал.

Аврора Илларионовна ещё немножко побушевала, но, видя, что мы все дружно не реагируем, ушла.

Когда дверь захлопнулась, на несколько минут в комнате повисло недоумённое молчание.

– И вот как мы теперь уйдём? – нарушил тишину Пивоваров. – Нет, уйти-то мы можем, но она увидит и сейчас опять такая вонь начнётся...

– Иногда вонь – это хорошо, – на тонких губах Комиссарова заиграла ехидная ухмылка, и неожиданно он спросил: – Девочки, а у вас нож есть?

Мы синхронно вздохнули – ножа ни у кого, к сожалению, не было.

– У меня был, – нахмурился Пивоваров, – хороший такой, складной, туристический. Я его всегда в походы ещё с юности брал. Но тут сделал ошибку – положил в карман рюкзака и при досмотре в аэропорту отобрали. Так что теперь нет.

– А хотя бы маникюрные ножнички? – опять спросил Комиссаров и с надеждой посмотрел на нас с Сияюткиной.

– У меня есть! – обрадовалась Ольга Ивановна.

– И у меня, – сказала я.

– Одних хватит, – кивнул Комиссаров, когда я протянула ему ножнички. – Спасибо, Любовь Васильевна. Я потом верну.

– А зачем? – спросила Сияюткина.

– Буду творить волшебство, – с крайне загадочным видом подмигнул ей Комиссаров и вышел из комнаты, предупредив, что вернется через десять минут.

Ольга Ивановна тоже выскочила в свою комнату – забрать семена и жуков. Пивоваров вышел за рюкзаком (решили, чтобы не привлекать внимания, нести всё в рюкзаке). А я посмотрела на свои туфли и поняла, что ещё один поход в них я просто не выдержу. Пришлось обуваться в комнатные тапочки. Ну, такие, войлочные, коричневые, которые бабушки очень любят. Жаль, конечно, таскать их по улицам, но ноги ещё жальче.

Через пару минут все собрались у меня в комнате, кроме Комиссарова, и, пока ждали его, Пивоваров спросил:

– Как уходить будем?

– Да как обычно, – пожал плечами я, наблюдая, как Ольга Ивановна ловко распахивает пакетики из фольги с семенами и долгоносиками в кармашки пивоваровского рюкзака.

– Нужно же правдоподобную причину придумать, – гнул свою линию Пивоваров. – Чтобы потом, если что, было алиби.

– Ой, да какую причину! – легкомысленно отмахнулась я. – Скажем, что прогуляться хотим.

– Тогда нам на хвост остальные упадут, – категорически не согласился Пивоваров. – Вы уже в магазин сходили, все до сих пор не могут оправиться от зависти. Нет, Любовь Васильевна, тут нужно что-то получше.

– Я придумала! – хихикнула Сияюткина. – Давайте скажем, что приют для бродячих собак посмотреть хотим. Здесь, говорят, совсем рядом он. Чуть ли не на соседней улице где-то. Рыбина и Белоконь собак терпеть не могут. А остальных мы просто не возьмем с собой.

– Нормально, – одобрил Пивоваров.

Как раз в это время подошел Комиссаров. Он раскраснелся, глаза его странно блестели. И вообще, судя по его виду, он был крайне доволен собой.

На все вопросы и подколки он многозначительно отмалчивался. Понемногу от него отстали.

– Так куда идём, Любовь Васильевна? – задал всё тот же вопрос Пивоваров, и все машинально взглянули на дверь – но никто не стучал и не пришел скандалить.

– Вот! – сказала я и вытащила проспект, который свистнула в дежурке, пока была в полицейском участке, и продемонстрировала всем. – *«Проспект-парк, жемчужина Бруклина»*.

– Ого! – присвистнул Комиссаров.

– А что там? – заинтересовалась Сияюткина. – Там водоёмы есть?

– Слушайте! – я стала переводить: – *«Проспект-парк –*

это самая красивая жемчужина Бруклина, она представляет собой гармоничное сочетание обширных лесных массивов, водных путей и зон отдыха. Он считается одним из лучших парков города, предлагая жителям и гостям самые разнообразные развлечения...».

– Во! Водные пути есть, значит. Нам подходит! – одобрил Пивоваров и посмотрел на Сиюткину. – Или там какие-то особенные водные пути должны быть? Может, с волнами?

– Нет, нет! – отмахнулась та. – Водоёмы можно любые, даже болотце, они нужны для лучшего оплодотворения...

В общем, мы вышли из здания гостиного дома и направились к парку. В этот раз нам явно повезло и все были отвлечены приходом американцев, поэтому выскользнуть удалось без лишних свидетелей.

На всякий случай я оставила в комнате записку для Анжелики, что мы ненадолго сходим в приют для собак и чтобы она не волновалась.

У меня была с собой карта, так что, немного поплутав, мы добрались до нужного парка.

Я, правда, немного волновалась: кто его знает, может, они к вечеру закрываются или билеты стоят дорого? Денег тратить не хотелось бы. Хотя, на всякий случай, у меня был запасной вариант – лесопарковая зона, которую я видела из окна автобуса, когда мы ехали на рынок. Но, во-первых, там я не увидела водоёмов, а во-вторых, ехать далеко и денег жаль.

Однако, к моему счастью, вход в парк был бесплатным, и

он не закрывался.

– Осторожнее, – Комиссаров первым перепрыгнул неширокий ручей и подал руку поочередно всем нам, включая Пивоварова. – Сюда!

По парку мы бродили около часа. Потому что Сияюткиной то почва не нравилась, то фитогенное поле было не такое, то какое-то аллопатическое влияние ближайших деревьев. В общем, она постоянно ворчала и отвергала самые, на наш взгляд, хорошие варианты:

– Нет, здесь не подходит! – скептически отмахивалась она на предложение Пивоварова. – Ну сами же гляньте, какой здесь дренаж плохой! Ещё, не дай бог, прикорневая гниль начнётся!

– Тогда здесь, – нашел уютную тенистую полянку Комиссаров.

– Вы разве не видите, Ефим Фомич?! Здесь же вокруг плотные заросли папоротников! Категорически нет! Он же будет глушить подрост! Давайте не будем так рисковать!

В общем, находились мы знатно.

Но наконец Сияюткина выбрала узкий овраг. Как по мне – предыдущая полянка была гораздо лучше. Поуютней (а, может быть, мне так казалось, что я немного промочила тапочки и сейчас хотела домой, в койку). Но старая бывалая агрономша упёрлась: мол, здесь и гумуса достаточно и ещё какой-то фигни (я забыла, там такое зубодробильное название, что ужас). Ну ладно, ей виднее.

Я уже надеялась, что она быстренько рассеет свои семена и выпустит здесь всех долгоносиков, но увы, мои надежды не оправдались:

– Да вы что! Нельзя все яйца в одну корзину! – возмутилась Сияюткина. – Мы здесь только семена борщевика подсе-ем, да и то не все. В трёх точках, как минимум, надо.

– Но долгоносиков же мы всех тут выпустим? – с затаённой надеждой буркнул Пивоваров, который тоже явно утомился.

– Да вы что! Здесь же для минирующей моли естественных врагов полно! Мы её на водоразделе должны выпустить. А здесь только златку, но не в овраге, а повыше, на склоне. Видите, воон там ясени растут? Прекрасная кормовая база. И водоём совсем рядом.

Пивоваров страдальчески вздохнул, златку он уже явно начал тихо ненавидеть.

А потом мы пошли искать новую кормовую базу для других каких-то долгоносиков, итить их!

– Не может со своими долгоносиками расстаться, – хмыкнул Комиссаров, глядя, как пожилая Сияюткина, словно адская гончая, резво носится промеж всяких оврагов и практически обнюхивает каждую кочку.

– Если бы мы также тщательно выбирали места для выращивания овощей и хлеба, Советский Союз никогда и не распался бы, – со вздохом прокомментировал Пивоваров.

Наконец, мы сделали это! Все долгоносики получили но-

вое жилище с правильной кормовой базой, а все семена сорняков – именно те места, где ничто им не будет мешать расти и активно колоситься.

Теперь оставалось ждать.

– Ща как попрёт! – подытожил наше мероприятие Комиссаров.

И мы, счастливые, отправились домой.

По дороге Пивоваров меня тихо спросил:

– А зачем мы Комиссарова с собой брали?

– Во-первых, он самый молодой среди нас четверых, – ответила я, – а, во-вторых, вдруг там были бы какие-то коммуникации, система полива или ещё что-нибудь эдакое. Личный слесарь под рукой – половина всех проблем, считай, снята.

– Понятно, – уважительно кивнул Пивоваров.

Эх, в этот момент я даже не знала, насколько я была права.

Когда мы ещё только подходили к зданию гостиницы, я уже поняла, что что-то там произошло.

– Что случилось? – нахмурился Пивоваров.

– Может, собрание какое-то? – прищурившись, попыталась присмотреться Сияюткина.

– Да вроде не должно, нас бы предупредили, – сказала я, всматриваясь за ажурные ворота.

– Там наши, – сказал Пивоваров, достав из нагрудного кармана вторые очки, – вроде разговаривают.

И правда, во дворе переругивались Рыбина и Белоконь.

Причём, к моему удивлению, извечные соперницы, сейчас они были заодно, выступали, как говорится, единым фронтом, плечом к плечу. А ругались они с Авророй Илларионовной.

– Кто бы сомневался, – проворчал Пивоваров. Вредная и деятельная старуха успела уже всех достать до печёнок.

Когда мы подошли поближе, стало понятно: в общем, в комнате, которую занимала семья Ляховых, прорвало коммуникацию. И сейчас находиться там было невозможно. Что делать, Аврора Илларионовна не знала, так как её зять вместе с дочерью уже давно ушли в магазин и до сих пор не вернулись. Благообразный вместе с американцами и остальными членами из областной общины отправились в Дом молитв проверить что-то там к завтрашней проповеди, а наши помогать ей отказывались наотрез.

Я сначала удивилась. Обычно та же Ксюша или другие никогда не отказались бы прийти на помощь, тем более в такой ситуации. Но тут прямо что-то непонятное.

– Где вы ходите?! – увидев нас, заверещала Аврора Илларионовна. – У меня всё заливает! Весь санузел в дерьме плавает и уже в комнате!

Я не успела ничего сказать, как Пивоваров опередил:

– А это не ваше дело, Аврора Илларионовна. Где надо, там и ходим. Законом гулять не запрещено!

– Вы что, не слышите?! У меня канализация прорвала и всё в дерьме там!

– Я вам искренне сочувствую, – посочувствовал Пивоваров и вправду вполне искренне.

Я промолчала. Сочувствовать не стала.

– Что вы все стоите?! Помогите мне! – теряя терпение, вскипела Аврора Илларионовна.

– Чем мы можем помочь? – удивилась ранее молчавшая Ольга Ивановна.

– Как чем? Там же заливают всё дерьмом! Там мыть надо!

– Ну, так идите и мойте! – в голосе Сияюткиной лязгнул металл.

– Кто? Я?! – взвилась Аврора Илларионовна. – Вы предлагаете мне в дерьме ковыряться?

– Ну, так вашу же комнату заливают, – развела руками Сияюткина. – Или вы считаете, что это я должна вашу комнату от вашего же дерьма мыть?

Судя по выражению лица Авроры Илларионовны, именно так она и считала.

– Так вот же у вас сантехник! Я знаю! – некрасиво вытянув шею, Аврора Илларионовна ткнула указательным пальцем в сторону Комиссарова. – Пусть идёт и сделает всё.

– Никак не могу, – с тяжким вздохом ответил ей Комиссаров и от избытка чувств даже руку к сердцу приложил, – я своё место теперь знаю!

С этими словами он развернулся и пошел в свою комнату.

И тут я увидела его лицо: широкая довольная улыбка блуждала по его физиономии, глаза удовлетворённо свети-

лись, а грудь распирало от еле сдерживаемого смеха...

Глава 4

– Девочки, я предлагаю скинуться, – с непередаваемым выражением лица заявила Зинаида Петровна Рыбина, глядя на нас с Ольгой Ивановной.

Мы как раз сидели в вестибюле и смотрели какую-то их музыкальную передачу, когда она нас там настигла.

– На троих, – добавила она, и мы с Сиюткиной недоумённо переглянулись.

– Ну вот смотрите, – понизив голос до шепота, сказала Рыбина, воровато зыркнув на входную дверь, не слышит ли кто. – Нам выдают купоны на завтраки, обеды и ужины. В общем, я выяснила у администраторши, вместо купонов можно получить деньгами на эту сумму!

– В смысле? – недоумённо нахмурилась Сиюткина.

– В том смысле, если вы, к примеру, не хотите питаться здесь, – охотно пояснила та, – к примеру, рядом есть вегетарианский ресторанчик. И ещё какой-то... забыла, как называется... для евреев который.

– Кошерный, – на автомате подсказала я.

– Ага, точно! – обрадовалась та. – И администраторша говорит, что многие так делают. А молодежь в макдональдсы ходит. И ещё китайский тоже есть.

– А кто именно так делает? – удивилась Сиюткина. – Я вроде на обедах всех наших вижу.

– Ксюша и Анжелика позавчера завтрак и обед пропустили, – вспомнила я. – Просто их на экскурсию в университет возили. Но им сухой паёк с собой давали.

– Не из нашей делегации, – отмахнулась Рыбина, – из других. Которые раньше здесь были. Сюда же много гостей приезжает...

– Понятно, – сказала я, – и что вы предлагаете, Зинаида Петровна? Обедать в веганской столовой? Так я котлеты люблю. Мне и здесь нравится. Хорошо кормят.

– Ага, особенно сырники у них вкусные, – поддакнула Сияткина.

– Нет! Я предлагаю, брать деньгами! – возбуждённо зашептала Рыбина. – Это же доллары! Живые доллары, девочки! Наличка! Можно будет ещё раз на тот рынок съездить и докупиться. Я бы ещё джинсы взяла и кроссовки. А ещё говорят, где-то совсем рядом косметики можно набрать недорого...

– А как мы ещё полторы недели без еды будем? – задала логичный вопрос я. – Умрём же с голоду.

– Будем солнечной энергией питаться, – хихикнула Сияткина, – как сине-зелёные водоросли.

– Я же серьёзно! – надулась Рыбина. – Давайте посидим немного на подножном корме. Ничего с нами не случится. Немного жопы и бока сдуются. У меня с собой есть банка тушенки и палка колбасы...

– А у меня домашний плавленый сыр и сало, – усмехну-

лась Сияюткина.

– И у меня сало есть, – сказала я, – только копченое. Отец из деревни передал. И пачка масла, и мятные пряники. И пачка чая. Правда он такой себе. Но пить можно.

– Ну вот и отлично! – расцвела Рыбина. – Мы можем на троих скооперироваться, хлеб будем покупать в магазине, здесь недорого, и подьедать свои продукты. А сэкономленные деньги потратим на нужные вещи.

– Я согласна! – Глаза Сияюткиной зажглись предвкушением добычи.

– Я, в принципе, тоже, – кивнула я. – Предложение дельное, я буду с вами. Но моя Анжелика останется ходить в столовую. Растущий организм, нужно полноценно питаться, сами понимаете.

– Конечно, – закивала Рыбина.

– Только я предлагаю не полностью переходить на подножный корм, а оставить или завтрак, или ужин у них. А то мы всухомятку желудки только попортим.

Дамы согласно закивали.

– А почему на троих? – спросила я.

– Ну не Белокониху же звать! – фыркнула Рыбина. – Противная баба. А с англичанкой вы сами не захотите, правда, Любовь Васильевна?

И Зинаида Петровна многозначительно взглянула на меня.

– Мне без разницы, – сказала я как можно более равно-

душным тоном. – А Ксюшу вы почему не хотите? Или мужчин наших?

– Ой, они все пожрать любят, – хмыкнула Рыбина, – давайте лучше на троих.

Когда они принялись обсуждать, что именно нужно купить на сэкономленные деньги, я не выдержала и со словами, что нужно погладить платье для Анжелики на завтра, вышла в коридор.

Женщины они, конечно, хорошие, но долго я их выдерживать не умею.

Но если я думала, что сейчас спокойно завалюсь к себе в номер и поваляюсь на кровати до ужина, то я глубоко ошибалась.

Скрипнула дверь с противоположной стороны и оттуда на меня зыркнул... Пивоваров. Увидев, что это я, он вдруг захохотал.

– Что случилось, Пётр Кузьмич? – вежливо спросила я, но он захохотал ещё сильнее.

Так мы и стояли в коридоре – Пивоваров, высунувшись до половины из номера и хохоча, и я - с вежливым ожиданием, чем это всё кончится.

Даже интересно стало.

Наконец, отсмеявшись, Пивоваров выдавил, вытирая слёзы из глаз:

– Люб, иди-ка сюда! – и скрылся в номере.

Обычно он всегда со мной на «вы». Во всяком случае, ча-

ще всего. Однако в минуты сильных душевных волнений начинает «тыкать».

Мне стало любопытно, и я вошла.

В номере, на кроватях, сидели Куц и Комиссаров. Вид у них был странный. А в центре комнаты стоял Пивоваров и опять хохотал.

– Здравствуйте, товарищи! – сказала я и, посмотрев на юриста, спросила: – А что это Пётр Кузьмич так веселится?

Он этого простого вопроса он опять расхохотался, ещё больше.

А Куц и Комиссаров переглянулись, как мне показалось, со смущенным видом.

– Рассказывайте, орлы, что учудили! – заржал Пивоваров.

– Пусть Любовь Васильевна посмеется тоже.

– Да что там учудили, – отмахнулся Куц, а Комиссаров сказал:

– Ой, ну вышло, как вышло... Зато хорошо же! Я вообще считаю, что мы молодцы!

– Рассказывайте! – меня уже разобрало любопытство.

– Да что рассказывать, – пожал плечами Комиссаров.

– Давайте лучше я начну, Ефим Фомич, – предложил Куц и поведал занимательную историю.

Да такую, что у меня аж челюсть отвисла.

– Вы разве не слышали, что наш уважаемый Ефим Фомич вытворил? – начал Куц.

Я отрицательно покачала головой:

– Н-нет...

– Наш многоуважаемый Ефим Фомич на соседней улице коллектор взорвал! И ваш покорный слуга ему содействовал, – Куц театрально склонил голову, словно в ожидании аплодисментов.

Вместо аплодисментов я обалдела, по-бабьи охнула и вытаращила глаза. А Куц тут же вывалил на меня подробности:

– Вы даже не представляете, как он это всё ловко провернул! Сперва перекрыл на соседней улице им воду. Затем проник туда под видом сантехника и втащил в подвал три баллона с кислородом. Там облил их машинным маслом. Вентили открутил почти полностью. Так, что они там, считай, на соплях держались. Причём рассчитал, что под давлением они откроются через двадцать минут! Прямо Эйнштейн! Представляете?! На две минуты всего ошибся!

Куц не выдержал и восторженно хохотнул.

– Продолжайте, Фёдор Степанович, – растерянно промямлила я, от нетерпения щёлкая костяшками пальцев.

Учитель физики не стал делать мне нервы:

– А сам залез в коллектор, который на соседней улице, и постучал по трубе. Я правильно понимаю? – он посмотрел на Комиссарова. Тот скромно кивнул: мол, да, вот такой я затаейник.

– Ну и рвануло!

– Как так? – удивилась я.

– Элементарная физика! – Куц аж подскочил от возбуж-

дения и забегал по комнате. – И как я сам не догадался?!

– Потому что ты теоретик! – скептически махнул рукой Пивоваров. – Хоть и с высшим образованием. А вот Фимка, он – практик. Он и не такое могёт! А я всегда говорил, что один хороший слесарь двух академиков в таких вопросах легко за пояс заткнёт...

– Там взрыв был практически фугасный! – глаза у Куца горели, как у боевого кота.

– Божечки! – ахнула я, осторожно схватившись за левую сторону груди. – Там много жертв, да?

– Ничего подобного, здание пустое было, – отмахнулся Комиссаров. – Даже сторожа не было. Он в это время за пончиками ходит в кафе.

– Тогда какой смысл так рисковать?

– Потому что в этом здании находится департамент управления водоснабжением и канализации Нью-Йорка, – пояснил мне Пивоваров, – вот Фимка его и грохнул. Точнее всю систему водоснабжения и канализацию.

– И какой в этом тогда толк?

– А такой! Такой! – загорячился Куц. – Сейчас мы пойдём и запустим в городскую систему воду с ядом. Траванутся все.

– А в департаменте сейчас не до того! – поддакнул Комиссаров. – Точнее нету больше у них департамента этого. Там такая неразбериха началась, что они долго не смогут устранить проблему.

– Да вы что! – замахала руками я – Какие бы они не были,

но травить невинных людей я не позволю! Там же дети, в конце концов! Старики! Мы не убийцы!

– Не эти ли старики всех индейцев вырезали? – буркнул Куц, но я услышала.

– Это их беда! Их карма! А мы с вами грех на душу брать не будем!

– Да прекрати ты причитать, Любовь Васильевна! – успокаивающе поднял руки Куц. – Там не такая уж большая концентрация получится. Ну, побегают в туалет пару дней и всё.

– И чего мы добьёмся? – устало вздохнула я. – Они побегают три дня, а потом опять все на работу выйдут и продолжат нам гадить.

– Ну... – сконфуженно протянул Куц, и они с Комиссаровым переглянулись.

– Зря, получается, это всё было, да? – упавшим голосом спросил сантехник.

– А где вы все эти приборы взяли? – спросила я, хмурясь.

– Какие?

– Ну, баллоны с кислородом, вентили всякие, я не знаю, что там ещё у вас было.

– Ой, ерунда какая! – хмыкнул Куц. – В соседнем доме же ремонт делают. Оставляют всё прямо во дворе на ночь. И почти без охраны. Вот мы загодя и натаскали.

– Даже я помогал, – прихвастнул Пивоваров.

– А что вы собрались в водопровод сыпать? – всё никак не могла успокоиться я.

– Да дуст самый обычный, – махнул рукой Комиссаров, – там его, на задний двор того дома, аж пять мешков зачем-то привезли. Как раз на город хватит.

– Господи, порча казённого имущества, нанесение вреда здоровью жителям, покушение на убийство и воровство в крупных размерах! – Я схватилась за голову и с мольбой посмотрела на Пивоварова. – Я ничего не упустила? По сколько лет нам дадут? И будет ли ко мне снисхождение, если у меня трое несовершеннолетних детей, среди которых ребенок-инвалид?

– Не бойсь, Любаша! – запальчиво махнул рукой юрист. – Чтобы нам что-то инкриминировать, это всё ещё доказать надо.

– На это же ужас... – у меня даже слов не было.

– Экологический теракт – вот где ужас, – скептически покачал головой Пивоваров, – а это так, мелочишка ерундовая. Что-то ты за разрушение природы так не возмущалась, а за канализацию прямо беда бедой, причитаешь. Нет, Люба, назвалась груздем, так полезай... Будем идти до конца!

Куш и Комиссаров согласно кивнули. А Пивоваров хмыкнул и покачал головой.

– А что вы ещё собираетесь делать? – слабо спросила я. Сопротивляться напору наших мужиков сил не было.

– Пока только периодически притравливать их, – сказал Комиссаров, – в этом квартале жилых помещений практически нет, школ тоже нет, так что дети не пострадают. Не

беспокойтесь, Любовь Васильевна. А всякие департаменты и управления – так это только хорошо, если мы им, так сказать, изнутри всю работу парализуем.

– Но это же такая мелочь! – не сдавалась я.

– Из мелочей состоят великие дела, – нравоучительно сказал Куц.

– Что вы собираетесь делать дальше? – спросила я.

– Хотим перепугать власти и вызвать панику среди населения с помощью демонстрации НЛЮ, – хохотнул Пивоваров. – Наведём ужасу на весь Нью-Йорк.

– Как это? – вытаращилась я: похоже все наши сошли с ума и ситуация вышла из-под контроля.

– С помощью гелия, люминесцентной краски и воздушного шарика, – заржал Куц. – Вы что, передачу «Очумелые ручки» не смотрите?

– Смотрю, но я только научилась из пластиковой бутылки умывальник делать и из старых грампластинок – горшки для вазонов.

Мужики развеселились, посыпались шуточки-прибауточки. Я немного ещё побыла с ними и ретировалась к себе в номер.

Голова распухла от мыслей. Я плюхнулась на кровать и потянулась к тумбочке. Где-то там была пачка печенья. Нет, кормили нас здесь, можно сказать, «на убой», но после того, как Зинаида Петровна сказала, что мы садимся на подножный корм, жрать захотелось зверски.

Или, может, это я так из-за этой дурацкой канализации переволновалась?

Но не успела я умять печенюшку, как в дверь постучались.

– Открыто! – максимально доброжелательным голосом крикнула я, стараясь, чтобы в моём голосе не промелькнули недовольные нотки.

Дверь распахнулась и на пороге возникла смущённая Ксюша.

– Можно? – тихо сказала она и прибавила: – Я на минуточку.

– Конечно, конечно, – кивнула я, – проходи, Ксюша. Печеньё будешь?

Она отрицательно помахала головой и выпалила:

– Любовь Васильевна! Я договорилась!

– О чём? – не поняла я.

– Что меня возьмут в типографию наборщиком! – радостно сообщила Ксюша и посмотрела на меня, явно в ожидании похвалы.

– Как так? – аж зависла я.

– Да мы, когда с Анжеликой ездили на экскурсию в университет, там была такая тётка, она главная у них. Так вот она сказала, что для нас, русской молодежи, лучшая судьба – это попасть на учебу в этот американский университет. А потом я ей и говорю, что хотела бы попасть, но мне нужно здесь устроиться на работу, чтобы сначала язык подучить. А она такая спрашивает, какая у меня профессия. Вот я возь-

ми и брякни – мол, работаю наборщиком в типографии. А там был такой дядька, китаец вроде, или узбек, хотя узбеков здесь же нет, так вот он и говорит: «Мы тебя в типографию можем устроить, а ты потом в университет по программе поступишь». Я и согласилась. Правильно же?

Она заглянула мне в глаза, и я кивнула. События развивались так стремительно, что я не успевала адаптироваться под них.

Конечно, я читала о попаданцах, в том, моём мире. Внуки постоянно таскали книжки. Но там все попаданцы пёрли вперёд, всегда только побеждали и никогда не сомневались. А вот я, практически достигнув того, куда стремилась, почему-то начинаю чувствовать сомнения. Да, когда я вспоминаю сожженный Донбасс в моём мире, глаза детей, которые, кроме войны, больше ничего не видели, я понимаю, что наши заокеанские друзья таких сомнений и сожалений не испытывают. Но у меня же русская душа, мне всех жалко.

От сожалений меня отвлекли крики и голоса в коридоре.

Ксюша, которая присела на Анжеликину кровать и рассматривала какую-то её книжку, подняла голову и озабоченно сказала:

– Что-то случилось? Вы слышите, Любовь Васильевна?

– Ругаются, что ли? – прислушалась я. – Да так громко.

– Да нет вроде, – сказала она, – я сейчас пойду гляну, что там.

– Этого ещё не хватало! – рассердилась я. – Любопытной

Варваре! А дальше ты знаешь. Сиди спокойно и читай книгу. Они уйдут, пойдёшь потом. А то чужая страна, мало ли что...

Я не договорила. В своё время насмотрелась всех этих гангстерских фильмов, так что решила не нарываться.

Голоса и шум нарастали.

– Их стало больше, – сказала Ксюша. Глаза её сверкали от любопытства, однако послушаться меня она не решалась.

И тут мне в дверь заколотили.

От резкого звука мы аж подпрыгнули с Ксюшей, а я так ещё и икнула.

И пожалела, что дверь не заперта.

Не дожидаясь моего ответа, дверь распахнулась и на пороге возник Арсений Борисович. Был он какой-то весь взъерошенный.

– Любовь Васильевна! – сказал он. – Собирайтесь. Мы срочно переезжаем.

– Куда? Что случилось? – удивилась я.

– Некогда болтать! Собирайте все вещи! – отрывисто велел он.

– Но Анжелика уехала на молодёжный фестиваль.

– Её вещи тоже!

– Но она...

– Её потом туда привезут!

– А я? – пискнула Ксюша.

– Ты тоже собирайся! – раздражённо рявкнул он и захлоп-

нул дверь.

Мы с Ксюшей уставились друг на друга, не понимая, что происходит.

– Я ща! – выпалила она и, не дожидаясь моего разрешения, вылетела из комнаты.

А я, вздохнув, принялась торопливо складывать вещи в сумки. А вещами мы обросли за эти дни, всё в сумки не влезало, я злилась, тихо ругалась под нос, пыталась всё хоть как-то куда-то впихнуть, и тут дверь опять хлопнула и в комнату ворвалась возбуждённая Ксюша:

– Вы представляете! Там что-то сломалось и все дома говном заливают! – выпалила она.

– Ужас, – пробормотала я, хватаясь за сердце.

– А воды в городе теперь вообще нет! – добавила она. – Поэтому мы переезжаем за город, там у них есть ещё один пансионат есть.

Не удержавшись, я хрюкнула: прекрасно – город утопает в дерьме, а воды нет.

В коридоре все суетились, но Арсений Борисович более-менее народ собрал и теперь мы с баулами устремились на выход.

В воздухе отчётливо пахло, причём отнюдь не фиалками.

Стараясь дышать ртом, я тащила кучу сумок, и своих, и Анжеликиных, и тех, что на подарки, и ворчала. Моих собщинок не было видно, и я, пока дошла, вся истосковалась – боялась, что они попались.

Но нет, почти в дверях я столкнулась с Пивоваровым.

– А эти где? – сердито прошипела я, сделав страшные глаза.

– В автобусе уже сидят, – хмыкнул он, скептически рассматривая мою кучу сумок, – у них вещей-то немного. Давайте помогу.

Он протянул руки к чемодану.

– Это от дуста так? – почти беззвучно шепнула я.

– Нет, просто Фёдор Степанович новую методику решил испытать...

Глава 5

– Аллилуия! – заверещала пышнотелая дама в малиновом тюрбане и каком-то совершенно безумном балахоне ярко-оранжевого цвета. Её массивные клипсы задрезбуждали в такт яростным взмахам рук. – Аллилу-у-у-у-у-у-а-а-а!

Толпа млела в едином экстазе.

Голос пышнотелой, и так на самых высоких октавах, вдруг взлетел на совершенно недостижимую высоту, почти под купол огромного кафедрального собора. Затем, чуток пометавшись под величественными сводами, со звоном ударился о хрустальную люстру размерами с нехилый такой комбайн, запрыгал промеж великолепных витражей и мелкими хрустальными нотками осыпался на благоговеющих прихожан.

Празднество «Союза истинных христиан» было в самом разгаре.

От такого ультразвука у меня аж сердце ёкнуло. Я попыталась выдохнуть, но получилось так себе, с трудом. А экзальтированная американка, внезапно перейдя в совсем другую, густую и низкую тональность, прогудела ещё пару строчек осанны.

Следом за нею торжественно и благочестиво грянул хор. Да так грянул, что у меня аж пупырышки на руках появились.

– Красотища-а! – восхищённо выдохнула Рыбина, кото-

рая сидела рядом со мной. – Какая же красотища! Как же они могут! Не то, что наши...

Я, конечно, сдержалась, хотя очень уж хотелось скептически хмыкнуть. Да, эта женщина пела волшебю, просто божественно. И хор тоже. Но кто сказал, что у нас в стране нет таких (и куда круче) талантов? Просто ситуация, что сейчас сложилась у нас дома, не давала таким вот самородкам возможности проявить себя. И пока эта дама здесь поёт, ловя на себе восторженные взгляды остальных, где-то на базарах Рязани, Костромы и Тамбова наши певцы, скукожившись от пронизывающего ветра, перепродают импортную жвачку и окорочка Буша. Стоят певцы, стоят учёные, стоят врачи, стоят инженеры... И вся страна или униженно перепродаёт импортную жвачку, или же медленно загибается от безденежья и безнадёги, но зато сохранив гордость...

Вот поэтому я сейчас здесь. Чтобы не допустить того, что будет дальше.

– Но красиво же?! – не унималась Рыбина.

– Красиво, – буркнула я.

На середину вышел ведущий в нарядном фраке и, сверкнув белозубой, истинно американской улыбкой, провозгласил хорошо поставленным голосом:

– Дорогие мои! Братья и сёстры! Мы, народ Соединенных Штатов, во времена сгущающихся туч и бушующих бурь, мы остаемся молодой страной! Как сказано в Писании, настало время избавиться от инфантильности. Пришло время вновь

подтвердить стойкость нашего духа, сделать выбор в пользу лучшего будущего, привнести в него тот бесценный дар, ту благородную идею, которую мы передавали из поколения в поколение: завет Всевышнего, что все мы равны, все мы свободны и все заслуживаем права на стремление к счастью!

Он сделал паузу и продолжил:

– Дорогие соотечественники и наши гости! Подтверждая величие нашей страны, мы понимаем, что величие не дается даром. Его необходимо добиваться! Мы, американцы, Богом избранный народ, и на нашем пути мы никогда не искали легкого выхода и не довольствовались малым!

Он опять выдержал паузу и все присутствующие бурно зааплодировали.

Я скрипнула зубами.

– Мы остаемся самой процветающей, самой могущественной страной в мире! – улыбка в тридцать два зуба осветила его лукавое лицо. – Так было до сих пор. И так должно быть в нынешнем поколении американцев. И так будет впредь! Во всём мире! Аминь!

Овации разразились вновь, люди, радовались, хлопали.

И тут, посреди всеобщего ликования, на середину собора вдруг вышел... Фёдор Степанович Куш, наш учитель физики.

По-моему, я ахнула. Кто-то рядом со мной ахнул тоже. Я оглянулась – Белоконь смотрела изумлёнными вытаращенными глазами.

Он остановился ровно на том же месте, где пела экзальтированная американка, взглянул на разнаряженную толпу таким взглядом, как смотрит строгий учитель на хулиганящих несмышлёных школьников. Дождался, пока овации и шум стихнут.

И в воцарившейся мертвенной недоумевающей тишине внезапно медленно и звучно запел красивым густым голосом песню рабочей артели.

Слова «Дубинушки» зазвучали под сводами собора словно удар электрошокера.

Словно эффект струи дихлофоса для полчищ тараканов.

Я до сих пор не понимаю, как эти несколько строк, таких простых, таких незамысловатых строк, почему они всегда вызывали такую тревогу у угнетателей рабочего класса.

Собравшаяся в зале толпа слов «Дубинушки» не понимала. Русский, кроме переводчика, здесь не знали. Но интуитивно они ощущали, что здесь и сейчас что-то происходит. И все замерли. Дисциплинированно слушали. Словно бандерлоги перед мудрым Каа.

Огромная толпа замерла и внимала.

Припев со словами «эх, дубинушка ухнем!» наши пели уже втроём, плечом к плечу – на середину вышли и присоединились Комиссаров и Пивоваров.

А когда грянули строчки «но настанет пора, и проснется народ, разогнет он могучую спину...» пели уже все: и Рыбина, и Белоконь, и Сияюткина, и Зыкова, и наша переводчи-

ца Валентина Викторовна Кирьянова. Я оглянулась: пел Арсений Борисович, пела чета пожилых супругов, и брюнет с длинным носом, и вечно задирающие носы дамочки, и даже чета Ляховых пела.

И даже я...

А в пансионате, где мы теперь проживали, разразился грандиозный, можно сказать даже эпический, скандал.

Когда после нашего триумфа мы вернулись за город, где теперь проживали в связи со взрывом коллектора и отсутствием воды в городе, Аврора Илларионовна негодуяще нам заявила:

– Ваша самодеятельность возмутительна! – и посмотрела сперва на зятя, а затем на Арсения Борисовича.

– Почему это? – моментально влезла Белоконь, и я вздохнула.

Ну вот почему она не могла промолчать? Бабулька бы поголосила и умолкла. А теперь придётся весь вечер отбиваться.

– Вас пустили на мероприятие такого уровня! Такие люди там собрались! Высшее общество! Элита! А вы себя как показали?! Дикари! Опозорили всю нашу делегацию! Что они теперь о нас подумают?!

– Почему это опозорили?! – поддержала Белокониху Рыбина.

Хоть она и была её извечной противницей, но тут вдруг поддержала.

– А потому что частушки свои распевайте в сельском клубе! А не на собрании культурных людей в такой стране! – заверещала Аврора Илларионовна.

– Уважаемая Аврора Илларионовна, – примирительно сказал Куц, – «Дубинушка» – это русская народная песня, которая является нашей классикой...

– Замолчите! – взвизгнула та. – С вами будут соответствующие структуры разбираться, когда мы вернёмся домой! Позор! Скотство!

– Ну знаете! – вспыхнул Куц. – Попрошу со мной таким тоном не разговаривать...

– Мама! – попыталась достучаться до её разума Лариса Сергеевна, её дочь.

Но всё было тщетно.

– Арсений Борисович! Почему вы молчите?! – решила втянуть старейшину в скандал Аврора Илларионовна. – Вы должны дать оценку этой вопиющей ситуации! Набрали в поездку кого попало. Вот вам и результат!

– Аврора Илларионовна! – не выдержала я. – Финансирование на эту поездку, вообще-то, выделили именно нам! Именно нашей делегации. Делегации из Калинова. Так что это вы, так сказать, воспользовались своим положением областной структуры и «присоединились» к нам...

– А вы вообще молчите! – пронзительно заверещала она. – Ваша роль здесь вообще не понятна! К «Союзу истинных христиан» вы отношения не имеете! Я прекрасно вижу, что

на утренние молитвы вы не ходите! И на вечерних были всего один раз! Как вы сюда попали?! Ещё и дочку свою взяли!

– Вообще-то именно за мероприятия, которые проводила Любовь Васильевна, нам и оплатили поездку сюда. И вам, кстати, тоже, – попытался разрулить конфликт Пивоваров, но только подкинул дровишек в костёр её ярости. – Так что можете поблагодарить Любовь Васильевну.

И понеслось.

Вот не надо было ему это говорить.

– Роман! Скажи хоть что-то! – завизжала она. – Ты же видишь, что происходит! Мало того, что они опозорили нас перед людьми. Так ещё напали на меня! Деньгами уже упрекают! Да вы все должны быть нам благодарны, что Арсений Борисович проявил великодушие и пустил вас сюда! Хотя очень зря!

– Попрошу умерить свой тон, – процедил Ляхов, неприязненно глядя на меня.

– То есть вашей родственнице называть нас скотами можно, а Любовь Васильевне «умерить тон»? Так, по-вашему? Что-то много вы себе позволяете, товарищ, – отрезал Пивоваров.

– А вы кто такой, чтобы мне замечания делать? – вскинулся Ляхов.

– А вы кто такой? – зло усмехнулся юрист.

– Пётр Кузьмич, не обращайтесь внимания, – сказала я, – Роман Александрович мнит себя хозяином области, а нас

считает своими крепостными. Поэтому и ведёт себя соответствующе.

Комиссаров громко заржал.

– Хамьё! – презрительно сообщила ему Аврора Илларионовна.

Скандал продолжал набирать обороты.

Благообразный не выдержал и решил вмешаться:

– Товарищи! – строго сказал он. – Давайте прекратим разборки. Я требую, чтобы вы сейчас разошлись по своим комнатам. С каждым из вас будет проведена беседа. И я считаю, что вы должны извиниться друг перед другом. Бог всё видит. Не копите грехи. В Писании сказано...

Он затянул нудную проповедь монотонным голосом, минут на двадцать.

Слушать её после нашего триумфа в соборе было откровенно скучно. Однако главную функцию Арсений Борисович выполнил – потушил пожар конфликта.

Поэтому, когда он договорил, все уже малость пришли в себя. Во всяком случае больше никто никому ничего не говорил. Так, бросали друг на друга язвительные и недоброжелательные взгляды и всё.

После проповеди-выговора нас отправили по своим комнатам.

В этом пансионате мы проживали с большим комфортом, чем в городе. Здесь была мебель классом повыше и кормили лучше.

Кстати, с талонами пришлось обломаться – здесь, кроме нашей столовой, других точек общепита не было, поэтому вопрос с наличкой долларами завис.

Но Рыбина обещала разобраться.

И я верила, что у неё всё получится.

Невзирая на склоки Авроры Илларионовны, на высокомерную спесь её высокопоставленного зятя, на боль в натёртой ноге, настроение у меня всё равно было замечательное. Первый этап, не такой уж большой, но при этом такой важный, был выполнен. «Зелёная» бомба замедленного действия заложена.

Да, она маленькая, да, не быстро это будет, не завтра. Но уже через пару лет проблемы у них начнутся. А ещё через пару лет жажнет их прям хорошо.

Я понимала, что это такая малость, такая ерунда. Но это сейчас так. Завтра им будет не до смеха. А там авось нас оставят в покое и займутся своей страной и своими проблемами.

Раз всё началось раньше, чем я думала, то будет правильно заложить им ещё парочку «подарочков». А для этого нужно продолжить привлекать остальных, согласно ранее утверждённому плану.

Я удобно устроилась в мягком кресле и щёлкнула пультом от телевизора. На экране вспыхнуло изображение – толстопопая мулатка в ультракоротких шортиках и огромных солнцезащитных очках что-то пела и активно вертела этой

самой попой то на фоне пальм и моря, то на фоне казино. Пропаганда красивой жизни и больших денег была здесь поставлена на все сто.

Я переключила канал. На экране возник всклокоченный бородатый мужичок с огромным сачком, который зачем-то пытался выловить крокодила из бассейна. А тот открывал зубастую пасть и пытался цапнуть сачок. Мужик в ответ ржал и что-то быстро-быстро лопотал по-английски. Я уже кое-как понимала английскую речь и сама говорила, но, когда вот так быстро, я ещё зависала и «плавала». А когда мужик поскользнулся и рухнул в воду прямо к крокодилу, мои нервы не выдержали, и я торопливо переключила канал опять.

Попала на новостной канал. На экране транслировали кадры из города. Тот микрорайон, где мы жили, я узнала сразу. Молодой корреспондент что-то вещал на фоне творившего там Армагеддона. Стараясь не вступить в реку дерьма, он оживлённо жестикулировал и возмущённо вёл репортаж.

Дважды он не выдержал и прямо в эфире зажал нос пальцами. Хотя, может быть, это было сделано специально, чтобы надавить на эмоции зрителей.

А я тем временем рассматривала картинку репортажа.

Мда, Комиссаров и Куц развернулись не на шутку. Город затопило фекалиями в буквальном смысле этого слова.

А, учитывая, что воды сейчас там не было (во всяком случае, в нашем микрорайоне и рядом), то я им не завидую.

В дверь постучали.

– Открыто! – сказала я и нажала на кнопку отключения звука.

– Не помешаем? – ко мне заглянули Куц и Комиссаров. Мда, помяни чёрта, как говорится.

– Проходите! – сказала я и включила звук опять.

– О! – хохотнул Куц и сказал Комиссарову: – Глянь, Фима, нас уже и по телевизору показывают! Да мы герои! Знаменитости! На всю страну прославились!

– Сплюнь! – трижды поплевав через плечо, ответил Комиссаров.

– Ага, знатно вы шороху навели, – сказала я.

Комиссаров приосанился, похвала ему понравилась, а Куц весело сказал:

– Кто бы подумал, что в Фимке такой талант пропадает! А ведь был скромным тружеником на заводе. Гордостью предприятия.

– А что думаешь, нет? – хмыкнул Комиссаров. – Я, между прочим, и на Доске почёта висел. Целую пятилетку.

– Ну вот я и говорю! – подхватил Куц. – Был пионерам пример, а сейчас террорист террористом!

– А как вы так сделали? – спросила я. – Это из-за того дуста так всё рвануло?

– Ой, тут такая смешная история! – начал Куц. – В общем, пошли мы с Ефимом в тот дом. Ну, где ремонт делают. Смотрим, а там...

В дверь опять постучали.

– Открыто! – крикнула я.

Надеюсь, это не Благообразный пришел разбираться. А то увидит, что у меня гости, и ещё ругаться будет. Я так и не поняла – можно ли нам между собой общаться или нужно сидеть по одному и молчать, пока он не снимет запрет.

Заглянул Пивоваров.

Увидев, что все в сборе, он расцвёл:

– О! А я гляжу, герои собрались!

– Наши деяния вошли в историю! – кивнул на экран телевизора Куш.

– Пётр Кузьмич, как вы думаете, как профессионал, если нас поймают, сколько лет нам за это дадут? – с беспокойством спросила я.

– Пусть сперва поймают! – хохотнул Пивоваров и повернулся к Кушу и Комиссарову. – Я вот что хотел спросить, товарищи. Когда мы планируем разобраться с электричеством?

Я охнула и с подозрением поочерёдно посмотрела на Куша, на Комиссарова, на Пивоварова. Но тут дверь распахнулась и в комнату без стука практически вбежала запыхавшаяся Белоконь и выпалила:

– Любовь Васильевна! Вам там звонят!

– Что? Кто? – не поняла я.

– Международный звонок! Из Калинова! – с тревогой сказала она. – Идите быстрее!

Моё сердце нехорошо ёкнуло, и я со всех ног побежала к

администратору.

Сначала, сквозь шум и щелчки в трубке, я не слышала практически ничего. Из-за расстояния связь была ужасная.

– Алло! Алло! – кричала я в трубку.

В ответ что-то щёлкало и завывало.

– Алло!

И так несколько минут. Несколько бесконечных минут, за которые я надумала уже чёрт знает, что.

Но через некоторое время, сквозь все эти щелчки и грохот, я услышала голос Галя.

– Галя? – удивилась я. Вот уж не ожидала. Это последний человек, на которого я бы подумала.

– Галя! Галя! Что случилось?

– Люба! – закричала она в трубку. – Люба, ты меня слышишь?!

– Галя! Галя, что случилось? Скажи мне! – в ответ опять что-то лязгнуло и заскрежетало в трубке.

Сердце моё замерло от ужаса. Что же там дома могло такое случиться, что Галя мне решила позвонить?

– Люба! Люба! – кричала Галя. – Аллэ! Аллэ!

Наконец щечки прекратились, и я отчётливо услышала её голос, словно бы она сидела напротив меня.

– Что такое, Галя?!

– Люба! Ты меня слышишь?! Твои дети! Опека забрала твоих детей! – чуть не плача, кричала Галя. – Твой отец просил меня тебе сказать! Люба! Скорее возвращайся!

– Галя, а что с отцом?! И куда детей забрали? – кричала я, но соединение уже разъединилось, послышались длинные гудки.

Видимо, у Гали закончились деньги.

Глава 6

После разговора с Галей в комнату я вернулась сама не своя: сердце колело, в груди, казалось, образовалась озоновая дыра. Меня всю трясло. Я металась по номеру и не знала, что делать.

На душе было тяжело.

Но больше всего я боялась, что сейчас вернётся Анжелика и мне придётся ей что-то говорить. А что, я не знаю.

Увидев, в каком я состоянии, Куш и Комисаров деликатно ретировались. А вот Пивоваров, наоборот, остался и сразу прицепился с расспросами:

– Люба, что стряслось?

Я промолчала и отвела глаза, но он не унимался:

– Люба, скажи!

Сначала я не хотела ничего говорить, но потом подумала: всё-таки он же юрист. А вдруг поможет или подскажет что.

Поэтому ответила:

– Пётр Кузьмич, беда у меня случилась, – при этих словах я еле сдержалась, чтобы не разреветься.

– Что? – напрягся Пивоваров. – Это связано с тем звонком?

– Да. Звонили из Калинова. Галя, подруга моя. Сказала, что моих детей забрала опека! Божечки, божечки! Что теперь делать?! Я здесь, а они там!

Я опять заметалась по комнате, заламывая руки:

– Представляю, там отец вообще в шоке! Он же так и умереть от страха может! Всё! Точка! Мне нужно срочно возвращаться! – По моим щекам потекли слёзы. Я таки разрыдалась, по-бабьи, с подвыванием.

Пивоваров задумался. Пауза затянулась. Я ещё пометалась по комнате, вытерла слёзы и нос, икнула, а он всё сидел и размышлял. Видно было, что он воспринял это близко к сердцу. Некоторое время было тихо, а затем он сказал:

– Знаешь, Люба, нам осталась здесь ещё неделя с хвостиком. Это, не считая полнедели на дорогу. А планы у тебя большие. Причём это планы по спасению нашей страны. Да, я понимаю, у тебя случилась неприятность, но это ещё не горе. У тебя отобрали детей. Но дети ведь живые. Здоровые. Их направили в какой-нибудь или интернат, или детский дом. И за эти две недели с ними ничего не случится...

Я всхлипнула.

– Люба, небольшой испуг они переживут. Маленькие дети легко адаптируются. Да, жалко детей, жалко отца твоего, но это все преодолимо. Отец твой тоже знает, что Галя тебе уже сообщила. Теперь он будет спокойно ждать. Понимаешь?

Я опять всхлипнула, но кивнула. На душе скребли кошки.

– Пойми, Люба, уезжать сейчас ты не можешь. У тебя нет денег, нет билета, кроме того, как ты всем объяснишь, почему и на каком основании ты улетела раньше? Я в первую очередь имею в виду «Союз истинных христиан», областных

и американцев. Они не поймут. Особенно областные. Тем более, что ты так долго добивалась, чтобы сюда попасть...

Я задумалась и поняла, что он прав. Разумом я это понимала, а вот сердце разрывалось от горя.

Тем временем Пивоваров продолжил:

– Понимаешь, Люба, это не горе, это просто жизненная неприятность. Ну так сложились обстоятельства. Ты вернёшься через две недели домой и спокойно займёшься вопросом возвращения своих детей. С ними ничего прямо необратимо ужасного не случилось. Они живы-здоровы, остальное всё изменить можно. И я тебе, как юрист, помогу.

Я кивнула опять. Он был прав.

– Поэтому мой совет – прекращай паниковать, а сейчас займись тем, чтобы до конца довести наш план. Иначе вся эта поездка, все эти усилия, которые мы уже предприняли – они все пойдут к чертям собачьим. И ты потом всю жизнь будешь себя за это винить. И тебе будет очень стыдно. – Он вроде и ругал, но смотрел на меня по-доброму, по-отечески.

Пивоваров опять был прав.

Когда он собрался уходить, я сказала:

– Погодите, Пётр Кузьмич. Фёдор Степанович и Ефим Фомич ушли. А они же приходили обсудить новый план...

– Ну, да, – согласился Пивоваров.

– Значит, нужно поговорить с ними, а то они сейчас такого опять насочиняют... – сказала я, и Пивоваров понял меня с полуслова.

Сначала мы пошли в комнату Комиссарова. Но там никого не было. Куца тоже дома не оказалось.

– Неужели...? – я оборвала себя на полуслове и многозначительно посмотрела на пожилого юриста.

– Сейчас поищем, – успокоил меня он.

– Я пойду с вами, – твёрдо заявила я, и Пивоваров спорить не стал.

Мы пошли посмотреть в вестибюль, потом заглянули в столовую. В небольшом парке-палисаднике, который окружал придомовую территорию пансионата, их тоже не оказалось.

– Давайте ещё в комнате для молитв посмотрим и всё, – устало сказала я, – все эти волнения, да ещё и беготня окончательно меня доконали.

Мы заглянули в большой зал, который здесь использовали и для лекций, и для мероприятий, и для массовых молебнов.

Там сидел Арсений Борисович. Напротив него устроилась семья Ляховых. При нашем появлении разговор оборвался, и все уставились на нас не самыми дружелюбными взглядами.

– Вам разве не ясно было сказано ждать в комнатах? – едко спросил Роман Александрович. При этом его и так вечно красное, одутловатое лицо раздулось ещё сильнее.

– А для них слово Арсения Борисовича значения не имеет! – злорадно поддакнула Аврора Илларионовна и многозначительно посмотрела на Благообразного.

А тот предпочёл сделать вид, что не понял.

Повисло напряженное молчание.

Аврора Илларионовна вспыхнула и сказала:

– Роман! Наведи порядок, раз больше некому...

– Товарищи, пройдите пока в свои комнаты, – примирительно сказал Арсений Борисович. – Сейчас мы тут закончим, и я навещу каждого из вас. Наберитесь терпения.

– Конечно, конечно, – тоже примирительно сказал Пивоваров и торопливо закрыл дверь.

– Лучше уж подальше отсюда, – сказал он, и мы пошли искать дальше.

Куц и Комиссаров обнаружили в номере у Комиссарова. Они сидели прямо на полу и горячо, взхлёб, спорили. Перед ними лежала старая развёрнутая карта.

На нас они особо не обратили внимания.

– Да нет же! Лучше всего натаскать вот сюда до фига глины со щебнем. И на обочину это всё дело закинуть. А потом сбросить в поток! – горячился Куц, тыкая в какую-то точку на карте пальцем.

– Думаешь, получится создать пробку? – недоверчиво покачал головой Комиссаров и задумчиво поскрёб затылок. – Пойми Фёдор, мы же не сможем сделать это одномоментно. Где мы столько глины возьмём, а? Да и у нас столько людей нет. Даже если мы всех наших баб привлечём, всё равно толку не будет. А поток нечистот малые количества тупо смое.

– Тогда давай сделаем металлический щит и закупорим

вот в этом мете канализацию! – выдвинул новую гипотезу Куш. – Чтоб уж наверняка.

– Вот правильно говорит Пётр Кузьмич, – скептически хохотнул Комиссаров, – теоретик ты, Фёдор!

– Угу, и гнилой интеллигент вдобавок, – кивнул Куш и загорячился: – Ты пойми, Ефим, мы перекроем поток нечистот, и оно всё полезет наружу...

– Да ты сам подумай! Нужно же и резервные стоки заодно перекрывать! – постучал себя по лбу Комиссаров. – Нет, не годится...

– Ну тогда...

И тут Пивоваров решил вмешаться.

– Что опять замышляем, соловьи-разбойники? – хитрым голосом спросил он.

Мужики на миг умолкли, а затем наперебой принялись выдвигать разные версии диверсий.

– Нужна схема прокладки! – возмутился Куш.

– На участках по-любому есть, – возражал Комиссаров, всматриваясь в карту.

– Эй, парни, это же Америка! – хмыкнул Пивоваров. – Это у нас дома в каждом ЖЭКе всё есть, а здесь смотреть ещё надо.

– Да где ж мы найдём эти схемы? – нахмурился Комиссаров.

Повисла неловкая пауза.

И тут, в тишине, за стеной из коридора послышался ка-

кой-то шорох. Словно переступил кто-то с ноги на ногу.

Мы переглянулись.

– Кажется, нас кто-то подслушивает! – одними губами прошептал Куц и тотчас же рывком вылетел из комнаты.

Хлопнула дверь. Мы притихли. В коридоре послышался шум, какая-то возня, а затем Куц буквально втащил упирающуюся... Белоконь!

От неожиданности, кажется, я охнула. Хотя, может, это была вовсе и не я, а Пивоваров. Но как бы там ни было, кто-то из нас таки отчётливо охнул.

– Ирина Александровна! – укоризненно воскликнул Пивоваров. – Вот уж на вас бы никогда не подумал!

Щёки у Белоконь заалели.

– Извините. Я случайно. Мимо проходила, – пролепетала она тихо и вильнула взглядом.

Но Пивоваров был старый и опытный юрист и такими манипуляциями его было не прошибить.

– Ирина Александровна, – строго сказал он, – я бы мог поверить, если бы мы обсуждали это в моей комнате или в комнате Любви Васильевны – они в центре по коридору. Но комната Ефима Фомича находится в этой «кишке». Что вас здесь могло заинтересовать, если только вы не прокрались сюда с целью нас подслушивать?

– А вы что! Вы думаете, я не понимаю, что происходит?! – запальчиво воскликнула она. – Я всё знаю! Всё!

Мы переглянулись, и Комиссаров тихо спросил, стараясь

замаскировать угрожающие интонации в голосе:

– Что именно?

Возможно, общая нервическая обстановка, возможно, плохо замаскированная угроза в голосе нашего слесаря-сантехника, но Белоконь из багровой стала бледно-зеленоватой.

– Ничего... я, пожалуй, пойду... – пролепетала она и ужасом выскользнула из комнаты.

– Зачем ты её отпустил? – накинулся на Комиссарова Куц. – Она же сейчас пойдёт и всё расскажет!

– Кто, я отпустил?! – возмутился Комиссаров. – А ты сам куда смотрел? Почему не задержал?

– А что, я, по-твоему, должен был её за руки крутить?! – возмутился тот.

– А что, я?! – ссора набирала обороты.

– Товарищи, успокойтесь, – попыталась вмешаться я.

Но то ли напряжение последних дней сыграло злую шутку, то ли общая обстановка, важная миссия и чужая непонятная нам, чуждая, страна – всё это вылилось в целый ворох взаимных обид и обвинений, которыми кинулись награждать друг друга Куц и Комиссаров.

Наконец, Пивоваров не выдержал и хлопнул ладонью по столу:

– А ну, уймись! Оба!

От неожиданности мужики заткнулись.

– Тут общая беда, а вы раскудахтались, как две курицы! – сердито сказал юрист. – Никто бы её не смог задержать. Не

убивать же её! Подумайте лучше, что мы будем делать, когда она всем расскажет?

– Пусть сначала докажет, что это мы! – запальчиво воскликнул Комиссаров.

– Докажет! Причем элементарно! – возразил Кущ. – Если она всё слышала, то докажет.

– А вот и нет, – сказала я, – она слышала только, как вы щиты предлагали установить и глину. А зачем вы это предлагали – она не может доказать, что для диверсий. Может, наоборот, чтобы стабилизировать ситуацию в городе и вернуться в тот отель.

– А ведь и правда! – обрадовался Пивоваров. – Доказательств у неё нет. Она если и слышала, то мало что. А мы все вместе можем от неё отгавкаться...

– Ещё и Зинаиду Петровну в защиту можно на неё натравить. Уж та её быстро на место поставит...

– Кстати, Ефим, спрячь карту от греха подальше, – велел Пивоваров.

Комиссаров подскочил и принялся складывать карту. Затем он сунул её в свой чемодан.

– Ну вот что ты как маленький, ей богу, Ефим! – пожурил его Пивоваров. – Если она приведёт полицию, то в твоём чемодане они в первую очередь искать станут.

– Ну а куда мне её девать? – растерянно скользнул взглядом по аскетической обстановке Комиссаров.

– Я знаю куда! – Кущ взял карту и сунул её под ковёр.

– Ещё лучше! – насмешливо фыркнул Пивоваров. – Под ковром тоже они будут искать. Вы что, разве шпионские фильмы не смотрели?

– Ну а куда? – развёл руками Комиссаров.

– Да хотя бы вот! – Пивоваров с загадочным видом сунул карту за кровать.

– Ой, шпионы вы мои! – хохотнула я, отобрала карту, затем аккуратно скрутила её в трубочку и сунула в полость круглого карниза. – Ну вот. Хотя бы так...

Ответом мне были уважительные взгляды.

– Да ты прямо Штирлиц, Люба! – одобрительно хохотнул Пивоваров.

Неволью я вспыхнула.

Эх, если бы он знал, как он прав.

– Ну давайте тогда чай пить что ли... – сказал Комиссаров и вставил самодельный кипятильничек в кувшин с водой.

И мы сели пить чай. Стаканов на всех не хватило, так что Куц сбегал к себе и принёс ещё два. А заодно пачку бубликов. И вот мы сидим, такие, пьём чай с бубликами. Долго сидели. Больше часа точно. Пивоваров рассказывал о случаях из своей юридической практики. Куц и Комиссаров – из своей работы. Я сидела, слушала и в нужных местах либо охала, либо смеялась. Мне-то рассказывать особо было нечего.

И тут в дверь постучали.

Тихо так, вежливо.

Мы переглянулись. Явно по нашу душу пришли.

– Открыто! – нерадостным голосом сказал Комиссаров, как хозяин комнаты.

Дверь открылась и на пороге возникли двое – Белоконь и ещё какой-то человек.

– Смотрите, – сказала Белоконь и кивнула на неизвестного, – вот этот человек, он всё здесь знает.

Мы переглянулись.

В глазах читался немой вопрос: он из полиции?

– Добрый день, товарищи, – тем временем вежливо поздоровался низенький человечек по-русски.

Я внутренне выдохнула. Вряд ли в американской полиции так хорошо знают русский. Причём с облегчением вздохнула не только я. очевидно, что все так подумали.

Незнакомец был очень маленького роста, но при этом необычайно толстым и широкоплечим (ещё бы борода и был бы вылитый дворф).

– Меня зовут Борис Моисеевич Гольдман, – с детской добродушной улыбкой слегка наклонился он (насколько позволял могучий живот) и все три его подбородка тоже вежливо и доброжелательно колыхнулись в такт.

– Очень приятно, – деликатно ответил Пивоваров и вопросительно посмотрел на Белоконь. – Ирина Александровна, а зачем всё это?

– О! Боречка здесь знает всё! – радостно разулыбалась Белоконь.

– Именно так. Наша маленькая диаспора хоть живёт здесь

не так уж и давно, всего три года, – застенчиво пояснил Гольдман, – но вес мы уже имеем немаленький. И можем вам помочь.

– Простите, а чем вы можете нам помочь? – прищурился Пивоваров, и взгляд его полыхнул недобрым подозрительным огнём.

– Мне Ирочка сказала, что вам нужна информация по Конторе?

– Что ещё за Контора?

– Так называемое Бюро по очистке сточных вод, – пояснил Гольдман, – всё дело в том, что моя троюродная племянница, Циля Гольдман, хорошая, между прочим, девочка, работает там в отделе по реконструкции Норс Ривер. А это большая территория от Бэнк Стрит в Гринвич Виллидж до Инвуд Хилл, на минуточку! Но доступ к информации у неё есть по всем отделениям города и пригородов. Но так-то, если надо, мы можем и по всей стране найти. Кроме Техаса и Алабамы.

– Что вы хотите за эту информацию? – торопливо спросил Пивоваров, не дав никому из нас вымолвить ни словечка. – Вы же понимаете, что лишних денег у нас нет?

– Да у нас никаких денег вообще нет! – буркнул Куш, который всё ещё переживал, что так и не смог купить сапоги жене.

– Зачем мне ваши деньги, товарищи! Я же за идею! – гордо вздёрнул первый и второй подбородки Гольдман. – Я готов на всё ради нашей страны! Нашей Родины!

«Угу... которую ты покинул три года назад», – подумала я, но вслух ничего не сказала.

Видимо, наши взгляды продемонстрировали ту концентрацию скептицизма, которая на грани с едким цинизмом, но Гольдман не обратил на это ни малейшего внимания. Вместо этого лишь сказал с мягким упрёком:

– Деточки, старый Гольдман говорит, как есть. Вся наша община будет рада помочь вам.

– Но ведь если мы доломаем городские коммуникации, то вы пострадаете тоже, – брякнул Куш.

Пивоваров дёрнулся, но было поздно.

– Ой, шоб я так жил, – хохотнул Гольдман, – нам за эти неудобства выдадут сертификаты на новое жильё, а не эти скворечники. И мы переедем куда-нибудь в Калифорнию. Ну не в самую прямо Калифорнию, но где-нибудь рядышком старый Гольдман и его дети свои кости бросим.

Я с таким видом посмотрела на нас, что стало ясно, что да, Гольдман своего не упустит и в этой диверсии ему выгодно прежде всего сама диверсия.

– Хорошо, — после минутного молчания сказал Пивоваров, – зовите Цилю.

– Зачем звать? – удивился Гольдман. – Вы скажите старому дяде Гольдману, что таки вас беспокоит в канализации, и я через два часа принесу вам всё. Зачем девочку отрывать от работы?

– Нам нужна информация по всем насосным станциям

и узлам очистки сточных вод города, – начал торопливо перечислять Комиссаров, – расчётная производительность очистных, динамика поступления очистных стоков, обслуживаемая территория и куда потом это всё стекает...

– Будет вам информация, – улыбнулся Гольдман, – к вечеру всё у вас будет.

И вышел из комнаты.

А Пивоваров повернулся к Белоконь:

– Где ты его взяла? – прищурился он, и я поняла, что сейчас начнётся.

Глава 7

– Это дядя Боря, – слегка растерянно ответила она. – Он хороший человек. И ему можно доверять. Как мне.

Комиссаров нахмурился:

– А кто вам разрешил приводить сюда этого человека? Мало того, что подслушиваешь нас, так ещё и на полгорода растрепала!

– Я не растрепала! – вспыхнула Белоконь. – У нас в группе не знает никто!

– А этот?

– Дядя Боря – полезный человек. У него все ходы и выходы под контролем. Вы здесь ничего не знаете и будете топтаться, как слепые котята! А если дядя Боря подскажет, то вы сэкономите кучу времени и получите хороший результат!

– А тебе-то какое дело? – прищурился Пивоваров. – За это премий не дадут, в истории не отметят, зато если попадёмся, то минимум на две пожизненные мы уже набрали и ещё наберём.

– Хочу помогать! – упрямо набычилась Белоконь. – У меня тоже есть совесть...

Я шла в столовую. Анжелика ещё крутила свои кудри на плойку, а я решила не ждать её, докрутит и догонит.

Сегодня мы договорились с Сияюткиной и Рыбиной посетить завтрак. А вот завтра у нас по графику будет ужин. Та-

ким образом мы и сэкономили, и, вместе с тем, системы у нас не было, и заподозрить нас в каких-либо хитростях было невозможно.

Столовую ещё не открыли, оставалось минут семь, и там, за дверью, гремели посудой и доносились ароматные запахи свежей выпечки, жареных сосисок и кофе с корицей.

– Доброе утро! – улыбнулась всем я и плюхнулась в свободное кресло.

Под дверью столовой, в большом вестибюле, был ряд кресел, посередине стоял стол для настольного тенниса и какой-то игровой автомат. В креслах сидели Рыбина, Белоконь, Анна Андреевна (это женщина из пожилой пары) и Лариса Сергеевна, жена хамовитого Ляхова.

На моё приветствие ответили все, а Зинаида Петровна вдруг ворчливо заявила:

– Девочки, вы не знаете, почему в общем туалете сушилка для рук не работает?

Все пожали плечами, кто равнодушно, кто удивлённо, а Рыбина всё никак не могла уговориться:

– Вот плохо, что в вестибюле туалет и для мужчин, и для женщин! Я думаю, наши мужики его и сломали. Вечно даже свет не выключают. Я недавно Пивоварова засекала.

– Ну, Зинаида Петровна, у каждого же в номере есть свой туалет, а этот на всякий случай, в него почти никто не ходит. Вот и сделали общим, – ответила Лариса Сергеевна (без своего тупорылого мужа она была очень даже ничего, довольно

приветливая).

– И автомат перестал работать, – вдруг сообщила Анна Андреевна. Она всегда была довольно замкнутой и молчаливой, как и её муж. И даже как её зовут, я узнала лишь недавно, да и то, от Анжелики.

– Может, деньги закончились? – равнодушно предположила Белоконь. – Я где-то читала, что в Америке автоматы только на деньгах работают.

– Вы путаете с нашими автоматами с газировкой, – возразила Анна Андреевна, – Игорь Иванович, мой супруг, пару раз пытался поиграть, так в первый день получилось, а вчера и сегодня уже нет.

– Ваш муж играет? – не удержалась от поддевки Белоконь.

– Нет, вы что! – даже замахала руками женщина. – Он в университете читает основы информатики. Вот ему и интересно ознакомиться со всеми новинками, которые здесь есть...

Наш разговор прервало появление Анжелики. Девушка была растеряна:

– Здравствуйте! – коротко кивнула она и пожаловалась: – Мама Люба, а в гладильной утюг не работает! Мы после завтрака едем с Ксюшей на съезд молодежи «Союза истинных христиан». Я хотела розовое платье погладить, а утюг не работает.

– Уже и утюг сломали! – возмутилась Белоконь.

– А кто последний гладил? – нахмурилась Рыбина и обве-

ла нас всех внимательным, подозревающим взглядом.

– Я вчера блузку только гладила, – сказала Анжелика. – А после меня сразу Аврора Илларионовна пришла.

– Я тоже вчера гладила, в обед, – задумалась Анна Андреевна, – мужу рубашку надо было. Но утюг тогда нормально работал.

– А ты во сколько гладила? – принялась выяснять Белоконь у Анжелики.

– Утром, – сказала та. – Как обычно. Нас же на целый день в город увозят.

– А вечером кто-то гладил? – продолжила детективное расследование Белоконь. – Может, кто-то что-то видел?

Мы начали вспоминать, пытаться всё сопоставить, когда к нам решительным кавалерийским шагом влетела упомянутая Аврора Илларионовна. Щеки её пылали.

– Безобразие! – не здороваясь, воскликнула она. – Это же чёрт знает, что такое!

Волосы её были всклокочены, всегда уложенная причёска, как говорится «волосок к волоску», нынче выглядела, словно воронье гнездо.

– Что случилось, мама? – встрепелась Лариса Сергеевна.

– Почему у нас фен не работает?! – рявкнула та. – Бардак какой-то!

– Ну, так в предбаннике в сауне тоже есть фен, – сказала Анна Андреевна, – он довольно мощный. Я всегда именно

ним пользуюсь.

– Так, может, это вы и сломали?! – сварливо накинулась на неё Аврора Илларионовна.

– Да вы что! Как вы можете такое говорить! – возмутилась она. – С чего бы мне ломать?!

– И утюгом вы последняя пользовались, – как бы между прочим заявила Белоконь, – а потом он тоже сломался.

– На что вы намекаете?! – взвилась Анна Андреевна. – Как вы можете такое говорить?!

– Мама, а почему ты наш фен не взяла? – влезла Лариса Сергеевна.

– Потому что и наш тоже не работает! – отрезала Аврора Илларионовна. – Свинство какое-то!

– Странно, что могло произойти, что все приборы одновременно вышли из строя? – задумчиво пробормотала Лариса Сергеевна. – Может, магнитные бури?

– О чём ты говоришь, Лора! – фыркнула Аврора Илларионовна. – Какие к чертям бури? Кто-то специально сломал оба фена!

– Мама, но как бы этот кто-то мог сломать фен, если он находится в нашем чемодане? – покачала головой её дочь. – Для этого ему как минимум в наш номер нужно влезть. А мы вчера весь вечер были у себя. А когда выходили, то номер был заперт.

– Да нет же! – покачала головой Аврора Илларионовна. – Я забыла его в предбаннике. Вчера поздно вечером я посе-

тила сауну и немного поплавала в бассейне, это полезно для суставов, а фен потом забыла. Сейчас пошла забрать, а он не работает!

– Может, отсырел? – высказала предположение Рыбина, но отклика оно не нашло.

Тем временем начали подходить остальные. Кресел для всех не хватило, поэтому большинство стояли, тихо беседовали. В помещении поднялся шум, и мы тему о неисправности аппаратуры свернули.

И тут дверь столовой открылась и оттуда выглянула смущённая то ли повариха, то ли официантка. Взглянув на Валентину Викторовну, нашу переводчицу, она торопливо заговорила на английском. При этом голос у неё подрагивал.

– Товарищи! – перевела моя несостоявшаяся свекровь. – Вас просят ещё немного подождать. Они приносят извинение, что завтрак задерживается. Вышла из строя тестомешалка и фритюрница для пончиков. Приходится всё делать вручную. Сейчас повар дожарит оладьи и пончики, и вас пригласят. Подождите еще минут пятнадцать.

– Но я тогда не успею погладить платье! – чуть не плача воскликнула Анжелика. – Что мне теперь делать?

– Надень джинсы, которые мы тебе позавчера купили, – посоветовала я. – Здесь все ходят в джинсах.

– Но я хотела в платье. Там же будет... – она осеклась и зыркнула на меня, не обратила ли я внимания на её оговорку.

Я дипломатично сделала вид, что не обратила.

– Всё более и более странно, – таинственным голосом сказала Белоконь и выразительно посмотрела на нас.

Мы переглянулись.

– Теперь, я полагаю, вы уже на меня не думаете? – сварливо сказала Анна Андреевна. – Я же не могла ещё и фритюрницу испортить. Для этого мне бы пришлось залезть в запертую столовую.

– Как знать, милочка, как знать... – бросила на неё многозначительный взгляд Аврора Илларионовна и, повернувшись к нам, ехидно добавила: – Я читала в одном журнале, что бывает такая болезнь. Называется «клептомания». Это когда человек ворует просто так и всё подряд. Даже то, что ему не нужно. И потом не может вспомнить, что это он украл. Вполне может быть, что есть такая болезнь, когда человек портит приборы, а потом тоже не может ничего вспомнить. Или не хочет признаваться.

При этом Аврора Илларионовна так посмотрела на Анну Андреевну, что у той на щеках заалели пятна.

– Вы на что это намекаете?! – взвизгнула она.

– Ну, не магнитные же это бури, в конце-то концов! – припечатала она и заявила: – Нужно, значит, звать полицию. Пусть разбираются.

– А где джинсы? – тихо спросила меня Анжелика, пока тётки переругивались.

– У меня в чемодане, – ответила я, – я туда все покупки сложила. Пошли отдам.

Мы пошли в наш номер. Я была рада, что появился шанс уйти оттуда и не выслушивать эти склоки. Терпеть не могу токсичных людей.

– Любовь Васильевна, ты Фёдора и Ефима не видела? – из своего номера выглянул озабоченный Пивоваров.

– Нет, – покачала я головой, – и вроде к столовой они не подходили.

– Точно не подходили, – подтвердила Анжелика.

– Ну ладно, – кивнул своим мыслям он и закрыл дверь.

А у меня возникло ощущение, что наши умельцы опять что-то задумали. Причём явно грандиозное. Неужели-таки решили спустить глину в канализацию?

Вчера мы еле дождались Гольдмана. Он принёс карты, целый атлас карт и ещё какие-то чертежи. Так как было уже поздно, я отправилась спать. Поэтому не знаю, чем там всё закончилось.

А вот утром я их уже не видела. И сейчас подозревала всё, что угодно.

– Надо плойку перепрятать, – сказала Анжелика, потрогав плойку пальцем. – Как раз остыла.

– Зачем прятать? – не сообразила я.

– Ну раз здесь завёлся шутник, который ломает приборы, то надо прятать, – ответила она, – сломает плойку и как я тогда на люди выйду?

На оба эти замечания я не нашлась, что сказать. Вместо этого пихнула в руки Анжелике джинсы, а сама пошла к Ко-

миссарову. На допрос. У меня появились смутные сомнения. Но дойти до номера нашего чудо-слесаря мне было не суждено.

Дорогу мне преградил Благообразный.

– Любовь Васильевна! – ласково улыбнулся он мне. – Вы сейчас на завтрак, да?

Я вынужденно кивнула и выдавила ответную улыбку. То же ласковую.

– Пойдёмте, я проведу вас, – любезно предложил он и цепко взял меня под локоток.

Пришлось плестись в столовку. Хотя было ещё целых восемь минут.

– Я вот о чём хотел с вами поговорить, – начал он, и сердце у меня нехорошо так ёкнуло. – У нас же не просто увеселительное мероприятие, не правда ли?

– Угу, – кивнула я.

– И поэтому каждый из наших братьев и сестёр должен принять участие в каком-то мероприятии, – продолжил он добрым голосом, и мне продолжение ещё больше не понравилось.

– Угу, – опять поддакнула я.

– И вот скажите тогда, в каком мероприятии вы будете принимать участие? – он посмотрел на меня счастливым взглядом энтомолога-энтузиаста, который увидел особо редкий вид ядовитой сколопендры.

– Не знаю, – ответила я, но, увидев по взгляду Благооб-

разного, что ответ категорически не верный, быстренько поправились: – В каком пригласят, там и буду.

И улыбнулась.

– Вот и чудненько! Вот и чудненько! – расцвёл ответной улыбкой староста. – Тогда для вас хорошая новость, Любовь Васильевна. Завтра во второй половине дня наши американские братья проводят большой христианский марафон в городе. Будет несколько тысяч горожан. Масштабное такое мероприятие. И очень важное. И от нас тоже нужна речь. Минут на двадцать, не больше. Тогда я покорно смею надеяться, что вы выступите завтра от имени нашей русской общины...

– Я? – У меня глаза от удивления чуть на лоб не вылезли.

– Да, вы, – улыбка Благообразного стала ещё более сладенькой.

– Но почему я?!

– А кто? – взгляд Арсения Борисовича был столь кристально-чистым, словно у херувима на поздних полотнах Боттичелли.

– Например, вы! – твёрдо сказала я.

– Но я уже выступал, причём дважды, – от улыбки Благообразного хотелось повеситься.

Угу, ты, дорогой, выступал, конечно же. Но исключительно на местных мероприятиях, там каждый раз было от десяти до пятнадцати человек. А мне предлагаешь перед многотысячной толпой выступить.

Но вслух сказала другое:

– Да тот же Роман Александрович мог бы...

– Нет, нет, – махнул ручкой Арсений Борисович, – Роман Александрович вместе с семьёй уже принял участие в семейном благотворительном фестивале. Они открытки раздавали и печенье.

Ну капец! Я даже не знала, что и сказать! Значит, этот надутый индюк, что мнит себя отцом области, просто раздавал открытки и печенье (дурацкое мероприятие, между прочим!), а я, простая продавщица из «Пятёрочки», должна выступать перед многотысячной толпой.

Интересно, они настолько верят в мои таланты? Или же надеются на фиаско? Чтобы потом продвигать какие-то свои цели? Но ведь мой провал будет общим провалом нашей делегации из России. Зачем им провал?

Хм... странно.

Но по выражению лица Благообразного ничего понять было нельзя.

– Вот и договорились, – ласково улыбнулся он мне и первым вошел в столовую, которую, наконец, открыли. – Сегодня до вечера вам все подробности сообщат.

– С-спасибо, – буркнула я и обречённо посмотрела на заставленные блинчиками, пончиками, сырниками и омлетом полки – аппетит совершенно пропал.

Да что говорить, меня потряхивало. Причём конкретно так.

Но так как этот завтрак – единственный полноценный

приём еды за день, то игнорировать его категорически нельзя. Глупо это. Да и деньги уплачены. Поэтому я волевым усилием отбросила все свои сомнения и дурное настроение (потом позлюсь, на сытый желудок и злиться легче!) и решительно ринулась к предложенным блюдам шведского стола.

Когда я уже сидела за столиком и с аппетитом уминала жареную яичницу с сосисками, золотистыми запечёнными картофелинками и огромной порцией салата, над головой прозвучало:

– Можно?

Я подняла голову и опять увидев приторную рожу Благообразного, чуть сосиской не подавилась.

– Эмммм... – я красноречивым взглядом обвела пустые столики вокруг.

– Так вот, – предпочёл не заметить моей заминки Благообразный и уселся на стул напротив.

Мне очень хотелось встать и уйти, но еды я набрала много, так что нужно всё съесть. А то на обед сегодня будет только пряник с чаем. Да и то, без сахара (мы решили плотно есть утром и по возможности более-менее вечером, а вот в обед ограничиваться перекусом).

Так что пришлось остаться и слушать Арсения Борисовича.

– Любовь Васильевна, – начал тот, деловито намазывая кусок сосиски горчицей, – у меня к вам вопрос.

Я постаралась удержать лицо, чтобы не скривиться. Нача-

ло разговора мне уже не нравилось.

Хотя мне оно не нравилось ещё в коридоре.

Так что ничего хорошего я не ожидала.

– Слушаю вас, Арсений Борисович, – любезно сказала я и аккуратно помешала ложечкой сахар в чашке с чаем.

– Вы не подскажете, куда это постоянно отлучаются Ефим Фомич и Фёдор Степанович? – приветливым тоном спросил Благообразный.

Я еле-еле удержалась, чтобы ложечка не выпала у меня из рук.

Но вслух сказала:

– Отлучаться разве запрещено? Вы же сами сказали, что свободное время можно использовать по собственному усмотрению.

– Но они уходят в слишком позднее время, – мягко упрекнул Арсений Борисович и откусил кусочек сосиски. – Театры и магазины уже не работают.

– Может, просто по улицам гуляют, – любезным голосом ответила я и потянула к себе тарелку с сырниками.

– Каждую ночь? – кривовато усмехнулся старейшина.

– Почему нет? – максимально равнодушно пожалла плечами я и принялась увлечённо пилить ножиком сырник.

– Сомнительно! – возразил Благообразный и уставился своими пронизательными рыбьими глазами на меня.

Я чуть куском сырника не подавилась.

– Так вы не подскажете? – опять спросил он.

Вот прицепился, гад!

Я крошила бедный сырник на мелкие кусочки, словно висектор. Когда сырники закончились, я принялась резать пончик.

Благообразный внимательно наблюдал, демонстративно ожидая моего ответа.

Наконец, и сырники, и пончики закончились, на тарелке была горка резаного теста, пауза явно затянулась, и отвечать что-то было надо.

И я брякнула:

– Да бабу они завели!

Глава 8

– Неужели? – Арсений Борисович явно мне не поверил. – Одну на двоих что ли?

Мда. Вот брякнула, так брякнула. Неудобно как получилось. Ну, а что я могла придумать вот так на ходу? И чтобы было правдоподобно?

Теперь придётся как-то выкручиваться.

– Понятия не имею, – как можно более равнодушно пожала плечами я, – что слышала, о том и говорю. А вот насколько это правда – не представляю. Свечку, как говорится, не держала. Но, думаю, дыма без огня не бывает.

Староста недоверчиво посмотрел на меня, но не сказал ничего.

А я принялась торопливо доедать.

– Материалы и вопросы по докладу вам принесут во второй половине дня, – добавил Арсений Борисович.

Я кивнула. Остаток завтрака прошел в молчании.

Сегодняшний день я планировала посвятить составлению текстов для Ксюши. Ещё пока было непонятно – она остаётся работать в типографии, или ей придётся чуть позже вернуться. Поэтому я и хотела на всякий случай набросать хотя бы пару текстов.

Общая канва у меня была, но, честно говоря, конкретно за этот вопрос я ещё не бралась.

Но теперь, когда Арсений Борисович сделал мне такой вот «подарок», все мои планы улетели в тартарары. Нужно было немедленно готовиться к завтрашнему выступлению.

Я вернулась к себе в номер и принялась размышлять, какие же темы хотят от меня услышать все эти люди. С американским менталитетом. Который я знаю лишь по фильмам и «цветным» революциям в моём мире.

А ещё нужно будет попытаться вспомнить хотя бы некоторые громкие заявления политиков из моего времени. И по такому принципу попытаться как-то выстроить речь.

Эх, сейчас бы сюда Интернет! Я бы сразу ого-го!

Но, увы, Интернета не было.

Да что говорить, даже самой захудалой библиотеки и то не было.

Я вздохнула.

Подскочила и пометалась по комнате. Затем плюхнулась на кровать и попыталась сосредоточиться на речи. Сосредоточиться получалось плохо.

Сперва зачесалась пятка. Затем – нос.

А потом я стала думать о детях. Как они там сейчас, без меня? Сидят, небось, бедные, в каком-нибудь интернате и думают, что я их бросила.

От избытка чувств я всхлипнула.

Обругала себя.

Велела себе взять себя в руки.

Собрала всю свою могучую железную волю в кулак и по-

пыталась успокоиться.

Получилось, честно говоря, так себе.

Я думала, о чём угодно: о Ричарде и Изабелле, о возвращении моего Пашки, о том, что нужно будет в Калинове первым делом отнести чёрные туфли в мастерскую и сменить набойки, о том, что у меня всё равно сырники получаются лучше, чем здесь, как бы не хвалила их Сиюткина... в общем, о чём угодно, но только не о докладе.

Прошел примерно час. Или больше.

А я не продвинулась ни на одно слово.

Стало стыдно.

Опять обругала себя.

Решительно подскочила, судорожно вытащила из сумки блокнот и крупно по центру написала: «Доклад». И поставила восклицательный знак. Жирно. Затем дважды подчеркнула.

И всё.

Больше идей, что делать дальше, не было.

Сидела на кровати и пялилась на чистый лист со словом «Доклад».

И, видимо, я задремала. Потому что раздавшийся стук в дверь разбудил меня.

Я аж подпрыгнула.

– Открыто! – крикнула я.

Некоторое время реакции не было, а затем в дверь опять постучали.

– Заходите! Открыто! – опять рывкнула я.

И снова ноль реакции.

Когда деликатно постучали в третий раз, я подскочила с кровати, и, если бы не мысль о том, что это пансионат верующих людей, я бы ей-богу, не обошлась бы без членовредительства.

Бесят! Тут и так доклад не пишется, а им всё шуточки!

Рывком я распахнула дверь – передо мной стояла пожилая негритоска (или, как толерантно говорить в моём мире, – афроамериканка) и улыбалась во все тридцать два зуба.

На фоне антрацитово-чёрной кожи зубы были белыми-белыми, так, что я даже позавидовала.

– Миссис Скоурэйхотт? – коверкая мою фамилию, с улыбкой спросила она.

– Ага, – кивнула я и тоже улыбнулась (точнее изобразила ответную вежливую улыбку, так как, если честно, мне сейчас было совсем не до веселья и радости).

– Плиз! – она протянула мне увесистый пакет.

– Что это? – спросила я, но негритоска-афроамериканка мне не ответила. Возможно, потому что я спросила по-русски, не знаю.

Она ещё что-то пролепетала и ушла.

Я заглянула в пакет. Там были книги, какие-то журналы и листы с отпечатанными текстами.

Конечно же, я догадалась, что это обещанные материалы к моему выступлению.

И облегчённо выдохнула – Благообразный не соврал.

Настроение скакнуло вверх.

Сейчас я ка-а-ак сяду! Ка-а-ак сбацаю доклад! И часу не пройдёт. А потом пойду прогуляюсь, погода за окном стоит изумительная, потом вернусь и пообедаю стаканом чаю с мятным пряником. Потом потренируюсь выступать (ещё же заучить текст надо будет. Или чёрт с ним, вон Брежнев всегда по бумажке читал, чем я хуже?).

В общем, начну с доклада.

Как там он говорил, двадцать минут? Это примерно четыре листа написанного от руки текста. За час точно управлюсь.

Я вытащила из пакета первую книгу, и мои брови полезли вверх.

Затем вытащила другую.

Третью.

Пока я достала всю макулатуру, я уже не знала – ругаться или плакать! Книжки были... на английском языке.

Нет, мы, конечно, готовились в Америку, учили Present Continuous и употребление местоимений. В общем, много чего учили. И сейчас я даже вполне вменяемо могла спросить на улице, как пройти в библиотеку. Или запросто объяснить прохожим, что Лондон – это столица Великобритании. Но как я могу за полдня написать доклад, если вся литература на английском?

Расстроенная, я полезла в чемодан Анжелики. У неё там

был словарь.

Вытащив словарь, я достала чистый лист бумаги и, вооружившись словарём, принялась переводить верхние строчки первой книги.

И через пять минут я поняла, что мне крышка!

Чтобы перевести первое предложение, я потратила двадцать минут.

Двадцать минут!

А книжка была толстой.

И таких книжек было десять.

А ещё журналы.

И отпечатанные листы.

В общем, по поим подсчётам, чтобы мне это всё перевести, при моей скорости работы со словарём, мне понадобится полтора месяца. И то, при условии, что я не буду ни спать, ни есть, ни уставать.

И, кстати, пока я перевела это чёртово предложение, я уже устала как собака. А в результате получилась абракадабра.

Хотелось ругаться и рыдать от бессилия.

А время шло.

Поэтому мне пришлось сделать то единственное, что мне делать совершенно не хотелось. А именно – пойти на поклон к Валентине Викторовне.

Скажу честно, всю поездку я её нагло игнорировала и старалась максимально дистанцироваться. Конечно же, я понимала, что моё поведение граничит с хамством, но ничего поде-

лать не могла. Моя несостоявшаяся свекровь меня дико бесила.

Но сейчас крутить носом было глупо. Пришлось идти на поклон.

Я сгребла весь ворох книг и прочего обратно в пакет и отправилась к Валентине Викторовне.

– Любаша! Дорогая! – обрадовалась она мне. – Заходи давай! Что-то мы с тобой в этой поездке всё никак не найдём время даже поболтать!

Я постаралась скрипнуть зубами бесшумно и вошла в её номер.

– Валентина Викторовна, – сказала я, прерывая поток ахов и охов, – я к вам по делу. Только вы можете сейчас помочь нам.

– Что случилось? – неглубокая морщинка прорезала её лобик.

Я рассказала о задании старейшины и продемонстрировала пакет с книгами.

– Я пыталась переводить, но вижу, что не успею, – вздохнула я и попросила: – Помогите, пожалуйста.

Наша переводчица кочевряжится не стала, в тему моментально въехала, и мы с нею тут же засели за работу.

Она переводила название и аннотацию книг, бегло объясняла, что там в содержании, а я выбирала, что подходит для доклада, а что нет.

Получалось, честно скажу, не так уж плохо. Да, отнюдь не

гугл из моего времени, но она старалась.

Буквально за два часа у меня был черновой набросок доклада. Точнее куски текста, вполне подходящего для доклада.

– Ты, когда напишешь доклад, приноси, я переведу, – сказала она. – Только не тяни, Люба, чтобы мне всю ночь не сидеть. Да и тебе потренироваться хотя бы бегло читать надо будет.

– Спасибо, – сказала я.

– погоди, – она сунула мне небольшой словарь, – возьми, только с отдачей. Сейчас будешь компоновать текст, вдруг какое слово глянуть надо будет. Он самый удобный.

– Ага, – я благодарно приняла словарь и запихнула его в общую кучу бумаг и книг в пакете.

– А теперь скажи мне, Люба, ты когда собираешься замуж за моего сына выходить? – вдруг в лоб спросила она.

И пока я, хватая воздух ртом в буквальном смысле этого слова, пыталась найти достойный ответ, чтобы и не рассориться (ведь ещё текст переводить надо будет), и вместе с тем не дать сесть на голову и вытянуть из меня какие-то обещания, она сделала контрольный:

– И что с этими детьми делать будешь, Люба? Ты, конечно, старая, и у вас уже общих детей не будет, я всё понимаю. Честно сказать, я и не хочу молодую невестку. Будет только бегать перед парнями и хвостом крутить. Лёшеньке надо, чтобы женщина была надёжная и хозяйственная. Ну, вот,

как ты.

Я икнула.

– Хорошо, что у Лёши есть двое детей.

При этих словах мои глаза полезли на лоб.

– Они в деревне живут. Там невестка, в смысле бывшая невестка, такая деревенская клуша, ты даже не представляешь. Лёша со своим НИИ на картошку в их колхоз ездил, так она его и захомутала. Но всё равно дура дурой. Так что отобрать их будет не проблема. Вот и будете воспитывать. А то мне порой хочется внуков повидать, а деревня далеко...

– А как давно вы их видели? – спросила я, чтобы проявить вежливость (сильно хотелось послать далеко и надолго наглую тётку, но мне нужен был этот чёртов перевод для доклада, поэтому пришлось вести диалог).

– Да года три назад, – задумалась та.

– Ну так мне что те чужие, что эти. Но этих я уже воспитала, – попыталась-таки что-то более внятное ответить я. – А тех мне заново надо воспитывать и обучать. А это непросто.

– Ничего, Любушка, я помогу, – расплылась в улыбке Валентина Викторовна и добавила: – Лёшенька давно дом большой хотел. Да куда ему одному дом содержать. Там женская рука нужна. А мне уже тяжело. А так будете все вместе там жить. Да и мне местечко найдётся. Вот все вместе деток его и воспитаем...

– Эммм... Валентина Викторовна, побегу я, – я торопливо продемонстрировала пакет с книгами, – а то не успею до

ночи доклад составить.

И стремительно ретировалась.

Выскочила в коридор, пронеслась по нему аж до поворота в мой блок, повернула за угол и только там перевела дух.

Фух!

Чёртова баба! Подловила-таки меня в ситуации, когда мне деваться некуда, и опять за старую песню.

Я Благообразному эту подставу ещё припомню!

Мои кровожадные мысли о том, как я режу Арсения Борисовича на куски ржавым скальпелем и посыпаю каждый разрез крупной солью, нарушила Сияюткина.

– Любовь Васильевна! – воскликнула она и воровато оглянулась по сторонам, не слышит ли кто. – Извините, я знаю, что вы доклад готовите, но я на минуточку!

– Говорите, – вздохнула я.

Хотя с другой стороны, это и хорошо, мне надо переключиться, а то я сейчас точно пойду и убью Пожидаева.

– У нас неприятности! – выдохнула она, стараясь говорить очень тихо.

– Что опять? – устало спросила я.

– Я ходила сегодня в парк, – шепотом начала жаловаться агрономша, – смотреть ходила. И, представьте себе, семена не взошли! Даже борщевик Сосновского! А ведь по моим расчётам уже должны были!

– Почему не взошли? – расстроилась я.

Что-что, а в этом направлении никаких сбоев я вообще не

ожидала. И тут на тебе!

– Возможно, климат здесь другой и это повлияло, – начала перечислять Сиюткина, – а, может, аллелопатическое влияние соседних каких-то растений. Я же местную флору практически не знаю.

– Да что там знать, деревья, трава...

– Ой, не говорите, Любовь Васильевна! – замахала руками Сиюткина, и, охнув, резко понизила голос. – Но я думаю... то есть предположение у меня такое...

– Что? – нагнулась к ней ближе я.

– Я думаю, что виной всему экология! – трагическим шепотом сообщила агрономша.

– Да вроде чистая здесь экология, – пожала плечами я, – там же парк этот... он у них заповедный какой-то...

– Вот именно! Вот именно! – обрадовалась Сиюткина. – Хорошо, что вы меня понимаете! Я считаю, что нужно немножко на те места химии внести...

– Какой химии? – меня аж передёрнуло.

Химии мне только не хватало. Куц и Комиссаров всю извращаются с физикой, вон весь Нью-Йорк дерьмом залили, а эта хочет химию. Страшно подумать, что скоро здесь начнётся. Как минимум, очередная Хиросима, судя по горящим глазам Ольги Ивановны.

Но Сиюткина развеяла мои подозрения.

– Я думаю, нужно немного удобрений внести, – яростно припечатала она, – или гербицидов каких-то...

– Погодите, Ольга Ивановна, – наморщила лоб я, – разве гербициды не уничтожают растения? Или я в школе ботанику плохо учила?

– Всё так! Но дело в том, что наши растения привыкли к высоким дозам гербицидов и без них и растут хуже...

Я аж хрюкнула.

Вот это по-нашему! По-русски! Без гербицидов наши растения растут хуже, а без проблем мы живём скучнее.

А вслух сказала:

– Где же я вам гербициды найду, Ольга Ивановна?

– Ну вы уж поищите, Любовь Васильевна, – попросила Сияюткина и ушла.

А я осталась посреди коридора с новой проблемой.

Пакет с книгами оттягивал руку, нужно было идти в номер и садиться монтировать доклад. И тут я вспомнила, как кто-то из наших, то ли Комиссаров, то ли Куц упоминал о мешках дуста. Вроде они хотели их в городской водопровод высыпать. Вот интересно, высыпали они или нет?

И остался у них дуст, если таки высыпали?

Чтобы проверить эту мысль, я прямиком отправилась к Комиссарову. Нет, конечно же, я и не думала, что смогу найти у него в номере мешок дуста, просто надеялась, что он посоветует что-то.

Но, к моему глубокому сожалению, Комиссарова на месте не оказалось. Я постучала, подождала и пошла к Куцу.

На мой стук дверь его номера распахнулась и оттуда вы-

глянула всклокоченная заспанная голова.

– Извините, Фёдор Степанович, – примирительно сказала я, – у меня к вам один вопросик. Секретный. Я быстро.

– Заходите, раз секретный, – хмуро кивнул тот, бросив быстрый взгляд по сторонам коридора. – Только у меня немного не убрано, вы уж извините.

– Ничего страшного, это вы меня извините, что я нагрелась вот так вот.

Я вошла в комнату.

Да уж, про «немного не убрано» Фёдор Степанович явно поскромничал. При взгляде на разгром в номере создавалось впечатление, что тут, как минимум, прошло цунами.

– Так что там случилось? – спросил педагог.

– Да вот Ольга Ивановна жалуется, что борщевик Сосновского, ну тот, который мы в парке посеяли... и он не всходит, – пояснила я.

– А я чем помочь могу? – удивился Кущ и почесал всклокоченную голову.

– Помните, вы упоминали про дуст? – спросила я и добавила: – Ольга Ивановна считает, что какой-нибудь гербицид поможет. Или удобрение... в общем, нужно что-то химическое...

– Дуст есть, – обрадовал меня Кущ, – скажите Ольге Михайловне, пусть прикинет, сколько надо, и мы завтра к вечеру принесем. И узнайте, куда нести.

После того, как мы договорились, я развернулась, чтобы

идти к себе. И тут под вешалкой я обнаружила ярко-красную ручку от фена. Это был импортный мощный фен Авроры Илларионовны, с которым она любила сушить свою шелюру после бассейна. Там был местный фен, но она всегда приносила свой, чтобы все видели и завидовали...

Пёстрая, многотысячная толпа волновалась и бурлила прямо передо мной. Я как глянула на эти бесконечные ряды, так сразу липкий холодный ужас окатил меня с головы до ног.

Я глубоко вдохнула и выдохнула и мысленно рыкнула на себя: соберись, тряпка! Это же всё понарошку. Ты сейчас спишь, а потом проснёшься и пойдёшь в свою «Пятёрочку». А вечером придут внуки и нужно ещё успеть приготовить их любимый пирог с яблочным вареньем. Так что давай-ка быстренько соберись: скажешь этим людям речь и будешь свободна. Не забывай о Пашке!

Этот аутотренинг слегка меня отрезвил.

Хотя ладони всё равно были потными и липкими. И руки мелко дрожали.

А человеческое море всё бушевало и кипело.

И тогда я шагнула к микрофону...

Глава 9

Я шагнула к микрофону и произнесла торжественным голосом, какой только могла изобразить (на английском языке, между прочим):

– Дорогие жители и гости города! Я счастлива представить...

Что именно я счастлива представить, договорить я не успела – мой микрофон с противным раскатистым скрежежом «Вжиг-гхих-ррычь!», от которого аж зубы свело, просто взял и отключился. Более того, моментально погасли оба софита за спиной.

Я оглянулась и обомлела – огромный экран, на котором прокручивались картинки из библейских сценок, внезапно тоже погас.

– Рассс-рассс... – растерянно сказала я в микрофон.

Ничего. Микрофон, кажется, окончательно умер.

Толпа внизу заволновалась. Поднялся шум, который всё нарастал и нарастал.

Я оглянулась на организаторов, что стояли за моей спиной и чуть сбоку – чопорная дама, которая вела мероприятие, озабоченно с кем-то переругивалась.

Я попыталась повторить без микрофона, максимально повысив голос, почти до крика:

– Дорогие жители и гости города! Я счастлива... – но

тщетно, мой глас в этом шуме был подобен комариному писку у Ниагарского водопада. Меня банально никто не услышал.

Тогда я замолчала и ушла за сцену: не буду же я стоять, как дура, перед микрофоном и молчать.

Меня встретили встревоженные лица Валентины Викторовны и Арсения Борисовича. Ещё каких-то людей.

– Что делать? – спросила я их.

Кажется, никто из них не знал, что делать. Все куда-то метались, суетились, шумели, но микрофон от этого всё равно не работал, сцена была без света и звука, и грандиозное мероприятие, похоже, закончилось в самом своём начале.

– Пока побудьте здесь, – сказал мне Джорж, а по-нашему Гоша, наш бывший соотечественник, который нынче выполнял функцию «мостика» между нами и ними. – Сейчас там всё наладят, и вы продолжите доклад. Если, конечно, успеете.

Он посмотрел на меня и успокаивающе тронул за рукав:

– Вы, главное, не волнуйтесь, Любовь Васильевна. Вашей вины тут нет. Обычный технический сбой...

– И часто у вас такое бывает? – буркнула я.

– При мне впервые, – нахмурился он и продолжил, заглядывая в ворох бумаг, которые держал в руках: – Так, у нас дальше по регламенту выступление хора благотворительной организации «Маргаритки» в честь ветеранов боевых действий, затем выступление Прогрессивного просветительско-

го союза с гуманитарным заявлением, затем танец монахинь Епископального общества помощи беженцам всего мира...

Он выдохнул и торопливо пролистал сценарий:

– А, вот! – облегчённо вздохнул он. – После общей «Песни надежды» Братского Ордена по борьбе с вырубкой деревьев будет небольшой зазорчик по времени. Вот тогда вы сможете сказать свою речь. Но там время тоже ограничено, не больше семи минут. Но рассчитывайте лучше на пять.

– Но у меня доклад на двадцать, – растерянно сказала я.

– Нужно, значит, сократить, – покачал головой Джорж и прислушался к тому, что творилось на сцене.

А там какой-то мужик, очевидно, тоже от распорядителей, в громкоговоритель отдавал отрывистые разъяснения.

Ну ладно, буду ждать. Я отошла ещё дальше и приготовилась смотреть, что будет дальше.

Прошло пять минут... десять... двадцать... через полчаса на площади стало пусто. Народ подождал, подождал, да и разошелся. А местные умельцы систему звука так и не починили.

Мда, почему-то я почувствовала не столько облегчение, что не пришлось выступать, сколько разочарование – мне всегда казалось, что у них лучшие технари. А тут обычный микрофон починить не могут. У нас бы любой школьник справился.

Утрирую, конечно, но всё равно.

– Любовь Васильевна, поедем в пансионат, – ко мне подо-

шел Благообразный.

– А как же мероприятие?

– Мистер Райт сказал, что у них какие-то проблемы. Так что собирайтесь. Автобус уже подъехал.

Ну, мне-то что, я быстренько ретировалась.

Мы выехали от площади буквально пару метров и автобус встал. Я выглянула в окно – мы попали в огромную пробку из автомобилей. Причём я в той, моей жизни, иногда ездила в Москву и попадала там в пробки. Так там люди настолько к ним привыкли, что спокойно могут стоять и по часу, занимаются своими делами, кто-то музыку слушает или аудиокниги, кто-то по телефону болтает, кто-то даже подремать умудряется. Но не истерит никто, даже дети.

Здесь же создавалось впечатление, что все сошли с ума – многие водители даже повыскакивали из своих автомобилей и что-то кричали, то ли переругивались, то ли ещё что-то.

Я покачала головой. Вот тебе и хваленые американцы. Как дети, ей-богу!

И тут я изумилась ещё больше – наш водитель пару раз загудел, забибикал. Затем выругался. А в довершение всего тоже выскочил из кабины и побежал ругаться.

– С ума сойти! – наверное я сказала это вслух, так как мистер Робинсон, который сопровождал нас обычно в групповых поездках к пансионату, сказал на ломаном русском:

– Проблемы, – и улыбнулся в тридцать два зуба.

Вот я всегда поражаюсь всем их этим улыбкам – если у

тебя проблемы, то с какого перепугу ты лыбишься? Мне кажется, они и резать друг друга будут с таким вот вежливыми улыбками.

– Что за проблемы? – спросил Арсений Борисович.

– Светофоры не работают, всё движение встало, – радостно пояснил американец, – а объехать мы не можем. С той стороны города всё перекрыто – там порыв канализации большой.

При этих словах я смутилась и невольно покраснела.

В основном уши покраснели. Но я взмахнула головой, чтобы волосы их прикрыли. А то подумают ещё что.

Видимо, как-то не так истолковав мой жест, мистер Робинсон пояснил:

– Какой-то большой теракт. Наше правительство сейчас разбирается – это сомалийцы или иракские боевики. Уверен, что вскоре мы найдём виновных и жёстко накажем.

«Ну да, ну да, вы всегда стараетесь найти крайних и отжать у них по максимуму», – неприязненно подумала я.

Автобус так долго стоял в пробке, что я даже задремала. Впрочем, когда мы тронулись, я сразу проснулась и уставилась в окно. На душе было как-то беспокойно.

По дороге я смотрела на пробегающие многоэтажки, небоскрёбы, бигборды с обильной рекламой, и аж сердце защемило – на миг создалось впечатление, что я в моём мире и времени, еду с работы домой.

– Любовь Васильевна! – Ко мне подсел Арсений Борисо-

вич.

Я скрежетнула зубами, правда, незаметно. Ну вот чего ему от меня опять нужно?

– Слушаю вас, Арсений Борисович, – выдавила радушную улыбку я.

– Мы подумали и решили засчитать вам участие в мероприятии. Ведь сбой случился не по вашей вине.

«Угу, если бы сбой был по моей вине, ты бы передо мной так не мироточил», – злобно подумала я, но вслух примирительно сказала:

– Спасибо. Я рада. Честно говоря, мне не по себе от всех этих выступлений на людях. А тут ещё и иностранцы.

– Ну, да ничего страшного, – примирительно сказал старейшина, – это же был муниципальный праздник самодеятельности. Так что вы вполне вписывались в этот формат.

«А сам-то ты вписаться почему-то не захотел», – опять разозлилась я, но вслух говорить этого не стала.

– Любовь Васильевна, я вот что хотел у вас спросить... – сделал мхатовскую паузу Благообразный и искоса взглянул на меня.

В этом месте мне, очевидно, полагалось спросить: мол, ах, что же вы хотите спросить у меня, но я опять промолчала. Если тебе надо, так спрашивай, нечего мне тут психологию разводить.

Не дождавшись моей реакции, он продолжил:

– Меня очень беспокоит напряженная обстановка, кото-

рая сложилась сейчас в коллективе... – он опять сделал паузу.

Мне захотелось встряхнуть его. Достал уже своими паузами.

Очевидно, я не выспалась ночью: то готовилась, то просто переживала, – так что сейчас я была не самым добрым человеком и легко могла кого-нибудь запросто придушить. Но старейшина, не подозревая, что висит на волосок от смерти, опять занудил:

– И вас, как неформального лидера калиновской группы, я бы попросил приложить усилия и найти общий язык с остальными членами нашего братства. Негоже нам ссориться. Грех это...

– А что я сделаю? – пожала плечами я.

– Ну вы могли бы...

– Арсений Борисович! – я развернулась от окна и посмотрела прямо в глаза Благообразного. – К сожалению, не могла бы. Точнее могла бы, если бы это была обычная ссора или недоразумение. Но дело в том, что вся эта семейка Ляховых постоянно провоцирует людей. Особенно это касается тёщи вашего великого человека. Это я Романа Александровича имею в виду. Если его регулярное хамство ещё как-то можно пережить или проигнорировать, то эта женщина очень умело манипулирует своим исключительным положением и использует это для того, чтобы самоутвердиться над другими...

Выпалив это, я выдохнула.

Благообразный смотрел на меня удивлённо.

Повисла пауза. Наконец он отмер и сказал:

– Но вы всё же попробуйте, Любовь Васильевна. Я очень рассчитываю на вашу помощь и ваше благоразумие.

И он опять посмотрел на меня выжидающе. А я взяла и не стала ничего отвечать. Просто отвернулась и принялась смотреть в окно.

Некультурно?

Ну и пусть.

Он ещё немного посидел рядом, видимо, в надежде на то, что я продолжу общение, но я внимательно пялилась в окно, и через минуту он пересел к Валентине Викторовне и мистери Робинсону.

А в пансионате все наши были в сборе.

Я зашла к себе в номер, переоделась и направилась в комнату к Рыбиной. Было время обедать, но так как мы сэкономили, то сегодня пили чай у неё.

– Ну как там мероприятие? – спросила Сияюткина, ловко нарезая хлеб и сало.

– Свет вырубили, – пожаловалась я, – представьте, вышла к микрофону, сказала «здравствуйте» и микрофон отключился...

– Какой ужас! – посочувствовала Рыбина. – Сорвали вам выступление.

– Не только мне, – сказала я и принялась разливать кипя-

ток по чашкам, – там всё мероприятие сорвалось полностью.

– Вот это да! А ещё говорят – Америка! – покачала головой Сияюткина.

– Мне жалко нервов, – вздохнула я, – всю ночь не спала, доклад готовила. Причём на английском же. Переживала. А микрофон сломался.

– А другого микрофона у них не было разве? – удивилась Сияюткина.

– Да там у них всё сломалось. Даже светофоры. Мы в пробке около часа простояли.

– Ну зато вы отстрелялись и Арсений Борисович больше трогать вас не будет, – сказала Сияюткина и добавила: – Вам сколько ложек сахара положить?

– Одну, – ответила я и предложила: – Слушайте, вот что я думаю по поводу покупок...

Но договорить мысль мне не дали – дверь без стука распахнулась и в номер буквально влетела Белоконь:

– А! Вот вы где! – злоратно выпалила она. – А я-то думаю, отчего это вы на обеды и ужины не ходите!

– Это запрещено? – моментально взвилась Рыбина. – Постановление вышло?

– Это не по-товарищески! – вызверилась Белоконь. – Могли бы и мне сказать, что талоны наличкой берёте!

– Мы ничего никому не должны говорить, – ласково и медоточиво пропела Рыбина. – И ни перед кем отчитываться не собираемся!

Видя, как беснуется Белоконь, она прямо наслаждалась ситуацией.

– А то, что на обеды не ходим, так нечего жопу нажирать. Чайку перехватили и достаточно. В нашем-то возрасте, – она демонстративно посмотрела на жопу Белоконь.

– Это вы на что намекаете?! – рыкнула та.

– Вообще ни на что, – лучезарно пожала плечами Рыбина и со счастливой улыбкой добавила: – Если у вас все вопросы исчерпаны, Ирина Александровна, то извольте покинуть помещение. У нас тут важный разговор.

У Белоконь буквально отвисла челюсть. А Рыбина сделала контрольный:

– Конфиденциальный. Только между своими. Вы же понимаете...

Белоконь вспыхнула и пулей вылетела из номера, напоследок шваркнув дверью так, что аж стены содрогнулись и чай из стаканов расплескался.

– Ну зачем вы над ней так? – пожурела я её.

– А пусть не задаётся! – довольно хохотнула Рыбина. Настроение у неё улучшилось. Да что там говорить, она буквально сияла от счастья.

– Так что вы там говорили о покупках? – с предвкушением обильного шопинга азартно потёрла руки Сиюткина. – Меня вещевой рынок интересует.

– Так вот, – я отпила чай и продолжила: – Можно поехать в другой пригород. Там, говорят, ещё больше рынок есть. Но

ехать дольше.

– И дороже небось? – нахмурилась Рыбина.

– Вот этого я не знаю, – вздохнула я, – но выбор там просто колоссальный.

– Нет, давайте не рисковать, – попросила Рыбина, – мы на том рынке, что были, там всё есть. А что нам ещё надо?! В основном, мы всё купили. А на сэкономленные деньги не так много и возьмёшь.

– Да, Зинаида Петровна в принципе права, – поддержала её Сияюткина, – давайте вернёмся на тот самый рынок. Мы его уже знаем. И выбор там тоже хороший.

Я махнула рукой – туда, так туда.

И тут в дверь опять постучали.

Точнее загрохали.

– Я сейчас эту Белокониху убью! – прошипела Рыбина и с предвкушением отставила чашку с чаем.

Дверь распахнулась и на пороге возникла... Аврора Илларионовна.

Губы её подрагивали.

Увидев меня, она завопила:

– Любовь Васильевна! Как это понимать?!

Я чуть чаем на облилась от неожиданности.

– Что вы так кричите под руку, Аврора Илларионовна? – удивилась я. – Что случилось?

– Я вас еле нашла! Если бы не Ирина Александровна...

– Я точно её убью! – опять прошипела Рыбина.

– Мне что, по-вашему нельзя к подругам зайти чаю попить? – поморщилась я. – Это запрещено? Или чему вы опять возмущаетесь?

– В вашей группе воровство! И только то, что мы находимся в чужой стране и представляем нашу страну, не позволяет мне вызвать полицию!

– Что ещё за воровство? – всполошилась Сияюткина.

– Мой фен украли! – потрясая феном с ярко-алой ручкой, завопила Аврора Илларионовна. – А он, между прочим, импортный!

У меня сердце аж ёкнуло. Это же его я вчера видела в прихожей у Куща. Неужели он украл? А, с другой стороны, откуда он у Авроры Илларионовны, если я видела его у него в номере? Она что, к нему в комнату вломилась?

Эти вопросы вихрем пронеслись у меня в голове.

А вслух я сказала:

– Ничего не понимаю. Аврора Илларионовна, объясните нормально. Вы кого сейчас обвиняете?

– Кущ украл!

– Этого не может быть! – воскликнула Рыбина. – Зачем Фёдору Степановичу ваш фен?! Вы его шевелюру видели? Там три волоска! Что там сушить?!

– Ничего не знаю, – огрызнулась Аврора Илларионовна, – может, он продать решил. Или жене на подарок. Но факт остаётся фактом – он у меня украл фен! Так что будем разбираться!

– А почему вы пришли ко мне разбираться? – удивилась я. – Я ваш фен не брала.

– Раз вы тут главная, то и разбирайтесь! – заявила Аврора Илларионовна, а я удивилась. Вот уже второй человек утверждает, что я лидер в нашей калиновской делегации.

– Хорошо, – поднялась из-за стола я, с сожалением отставив чашку с недопитым чаем, – идёмте к Фёдору Степановичу. Будем разбираться...

И мы пошли.

К сожалению, сюрпризы на сегодняшний день не закончились. И как я втайне не надеялась, что Куца не будет дома и получится вопрос отложить до того, как я переговорю с ним наедине, не оправдался.

Куц открыл дверь и уставился на нашу делегацию с удивлением (а за нами, само собой, увязались Рыбина и Сияюткина. А поодаль обиженно маячила Белоконь).

– Фёдор Степанович, – сказала я, – вы извините, но я должна спросить вас...

– Это он! Он украл! – завопила Аврора Илларионовна, потрясая феном. – Я вас всех выведу на чистую воду!

– Фёдор Степанович, – опять повторила я, – тут вот Аврора Илларионовна утверждает, что вы украли её фен.

И, чтобы даль ему немного времени обдумать ответ, повернулась к ляховской тёще:

– А кстати, Аврора Илларионовна, откуда вы знаете, что это именно Фёдор Степанович? Почему он? У нас в этом зда-

нии много народу проживает или работает.

– Потому что фен был у него в номере! – злорадно заявила Аврора Илларионовна.

Бабы за моей спиной охнули, а я изумлённо спросила:

– Простите, а что вы делали у него в номере? Насколько я понимаю, вы проникли туда без разрешения владельца?

– Ничего подобного! Как вы могли такое подумать?! – возмутилась она. – Я порядочная женщина, не чета вашим во-рам!

– А всё-таки? – не сдавалась я.

— Я горничную попросила проверить, и она сразу нашла!
– гордо задрала нос Аврора Илларионовна.

Крыть дальше было нечем.

– Фёдор Степанович, это правда? – тихо спросила я, представляя, какой сейчас хай начнётся. – Фен Авроры Илларионовны был у вас в номере?

– Конечно, правда, – спокойно кивнул Куш.

Бабы опять охнули, а Аврора Илларионовна злорадно и торжествующе опять что-то завопила.

– Тихо! – рявкнула я и опять обратилась к Кушу: – Как вы можете это объяснить?

– Да что тут объяснять? – совершенно спокойно удивился тот. – Вчера я нашел возле бассейна сломанный фен. Видно же, что вещь дорогая. А не работает. Вот и взял к себе починить. За вечер починил. Точнее ещё утром съездил в город, нас туда на экскурсию возили, и я попросил, мы возле ры-

ночка остановились, и я пружинку два на три купил. Поставил новую. Старая перегорела. И ещё там была такая гаечка... Ну в общем, сейчас уже всё нормально. Но не успел отдать. Тем более я не помнил, чей это. Думал, возьму на ужин в столовую, когда все наши будут, и там спрошу. Ну и вот...

Он умолк, а у меня аж от сердца отлегло.

– Вот видите, Аврора Илларионовна, – сказала я, – всё разрешилось. Фёдор Степанович починил ваш фен.

Та, ни слова не говоря, развернулась и ушла.

– Даже спасибо не сказала! – осуждающе прокомментировала её поступок Сияюткина.

– Ладно, если всё решено, давайте расходиться, а то Арсений Борисович опять ругать будет, – сказала я.

И тут Куш заявил:

– Любовь Васильевна, можно вас буквально на минуточку?

– Конечно, – удивилась я, хоть виду и не подала, а девочкам сказала: – Я сейчас приду чай допивать.

Они ушли к Рыбиной пить дальше чай. А я вошла в номер Куша.

Там сидели Комиссаров и Пивоваров, они всё прекрасно слышали и сейчас буквально давились от смеха.

– Чему радуетесь, товарищи? – спросила я.

– Потому что жулики они! – хохотнул Пивоваров.

– Кто жулики?

– Фёдор Степанович и Ефим Фомич!

– Почемуэто?

– Раскурочили всю имеющуюся технику в пансионате, – продолжал заливаться смехом Пивоваров, – повибаскивали все детали. На коленке смонтировали глушилку. Подключили её к подстанции и обесточили весь город! А теперь сидят и чинят всё обратно!

Он рассмеялся опять.

– То есть то, что мой микрофон отказал прямо во время выступления, – ваша работа? – обалдела я.

Пивоваров хрюкнул ещё сильнее.

– И светофоры все в городе сломали тоже вы?

Тут грохнули и Куц, и Комиссаров. Я тоже не выдержала и рассмеялась.

Глава 10

– Ну, ничего же страшного не случилось. Совсем маленькая дырочка, – сказала я и откусила нитку. – Глянь, как хорошо вышло. И почти ничего не видно. Держи!

Я бросила джинсы Анжелике и аккуратно вонзила иглу в катушку так, чтобы нитки не размотались и игла не выпала.

– Мама Люба, спасибо! – расцвела Анжелика и тотчас же натянула джинсы.

В этом времени ещё не начали ходить в рваной одежде, когда нитки торчат и дыры такие, что всё тело просвечивает.

– И правда не видно! – она поставила стул на середине комнаты, влезла на него и покрутилась перед зеркалом.

– Не упади только! – предупредила я и принялась складывать в походную коробку нитки и ножнички.

– Мама Люба, а тебе нравится Америка? – вдруг спросила Анжелика.

– Если ты природу имеешь в виду или архитектуру, то да, – дипломатично ответила я и застегнула сумку. – Очень нравится.

– А если вообще?

– Что значит вообще? – не повелась на уловку я.

– А что тебе не нравится здесь?

– Мне всё нравится, я же сказала, – опять попыталась увильнуть я.

– Нет, ты сказала, что тебе только природа и архитектура нравится, – прицепилась егоза.

– Природа действительно здесь красивая, – сказала я и торопливо перевела разговор: – А тебе что здесь нравится?

– Всё! – выпалила Анжелика. – Особенно реклама, Макдональдсы и жвачка.

«Мда, вроде уже взрослая девка, а ума как у ребёнка», – мысленно вздохнула я. Хотя, чего тут вздыхать. Помню, когда первая реклама появилась в моём времени, то все так прямо с удовольствием её смотрели и слоганы распевали. А потом, когда от рекламы уже некуда стало деваться, – взвыли. Но было уже поздно. Нас, как дикарей, которых поманили блестящими бусами, свели с ума этой рекламой. Но у Анжелики и её сверстников всё ещё впереди.

Я опять вздохнула. Теперь уже вслух.

– Мама Люба, – Анжелика спрыгнула со стула и подошла ко мне, заглядывая в глаза, – а что бы ты сказала, если бы мы шли по улице и случайно мою маму встретили? Настоящую маму...

От неожиданности я аж икнула.

– Это невозможно, Анжелика, – после заминки покачала головой я. – Мы же уже обсуждали это. Сама подумай, Нью-Йорк – многомиллионный город. А Америка – вторая по величине страна. После нашей, конечно. Ну, а теперь прикинь, какова вероятность среди миллиардов людей встретить именно твою маму? Математическая задачка для вто-

рого класса.

– Ну, а вот если бы? – упрямо не сдавалась Анжелика, продолжая настойчиво заглядывать мне в глаза.

– Ой, даже и не знаю, – пожала плечами я, – по ситуации, наверное. Я-то что? Я с ней даже не знакома. Это тебе нужно думать, что бы ты делала.

Я взяла со стола свой блокнотик и принялась смотреть, что из запланированных мелочей (покупки, посещения интересных мест) мы ещё не выполнили, ведь времени остаётся всё меньше и меньше:

– Слушай, Анжелика, напomini мне, как будем вечером с концерта возвращаться и мимо того синего магазинчика проходить, чтобы я купила купальник.

– Зачем тебе купальник? – удивилась она. – На море ведь не собираемся...

– Тетя Валя просила, – ответила я, – детский купальник для художественной гимнастики. У её Леночки соревнования скоро, а купальников нигде нет. Она и денег дала. Главное, не забыть...

– Ну, мама Люба... – заныла Анжелика, – ну, вот если бы ты всё-таки столкнулась с нею на улице и знала, что это моя мама, что бы ты ей сказала?

– Да что ж ты пристала ко мне! – в сердцах аж вызверилась я. – Что за несносный ребёнок!

Но судя по лицу Анжелики, что-то было не так.

– Так! Признавайся! – строго сказала я. – К чему ты всё

это ведёшь?

Глаза у Анжелики забегали.

– Анжелика! – прищурилась я. – Не выкручивайся! Я жду!

– Ну... – уши у неё вспыхнули, затем покраснели щёки, и уже через миг всё её лицо пылало.

Я молча ждала, прищурившись.

Анжелика немного посопела, посопела и выдала:

– Ты Флорес помнишь?

– Какую Флорес? – нахмурилась я. – Ты разговор-то не переводит. Я жду ответа.

– Ну помнишь же её? Она к нам в Калинов приезжала, с делегацией. Негритоска такая смешная...

Не запомнить необычайно толстопопую, круглолицую, широкогубую афроамериканку с приплюснутым носом и вертикальной копной курчавых длинных волос было невозможно. Тем более любила она одеваться исключительно в лосины цвета взбесившейся Барби и вырвиглазного цвета туники, которые подчёркивали её выдающуюся пятую точку.

– Конечно, помню, – кивнула я, – а что?

– Ну в общем... – замялась Анжелика, опять покраснела, но, таки собравшись с духом, выдала.

Да такое выдала, что у меня аж глаза на лоб полезли.

– Я её тогда попросила, и она нашла маму... – хрипло прошептала Анжелика, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Что-о-о? – я где стояла, там и села. Хорошо, что это была кровать.

– Угу... – прошелестела она, – и мама будет ждать нас сегодня в три часа в кафе напротив музея Искусств.

– Ох-х-х... – я схватила за сердце, – мне надо подумать. Воздуха не хватало.

Голова шла кругом.

Я вышла из комнаты и поплелась на улицу, я задыхалась.

Нет, не потому, что Анжелика захотела увидеть родную маму, а вообще. От всего этого калейдоскопа событий, что, словно снежный ком, всё увеличивались и увеличивались и уже грозили похоронить меня под своим весом. Возможно, именно это стало последней каплей. Не знаю...

И ведь не призналась, коза!

С ума сойти!

Наш пансионат мало того, что был за городом, так ещё вокруг него был небольшой парк, довольно уютный и тенистый. В нём разместили несколько увитых плющом беседок, большой корт для игры в теннис и ещё парочку каких-то зданий. Я не особо углублялась в изучение обстановки.

Пошатываясь, я доплелась к ближайшей беседки.

Которая оказалась занята.

Там сидели Пивоваров и Комиссаров. Слесарь курил, а юрист что-то ему выговаривал.

– О! Люба! – обрадовался Пивоваров. – Вот ты хоть ему скажи!

– Дай сигарету, – перебив юриста, попросила я слесаря.

Надо было видеть его глаза:

– Любовь Васильевна, а вы что, к-курите? – вытаращился Комиссаров.

– Решила, что пора бы уже начинать, – отрывисто сказала я, пытаясь подавить истерический смех. – А то, понимаете ли, возраст, скоро пенсия, а я ещё не курила даже...

Комиссаров машинально протянул мне пачку с сигаретами.

– Люба, что случилось? – забеспокоился Пивоваров. – А ну-ка, брось эту гадость!

– Не брошу, – проворчала я, прикуривая у Комиссарова, при этом я сделала глубокий вдох и сразу же закашлялась. Аж слёзы из глаз брызнули.

– Ефим, забери у неё эту дрянь! – рыкнул Пивоваров и пристал ко мне, когда я отдышалась: – Люба, а ну говори, что стряслось? Дети?

Я сперва отрицательно помотала головой, потом, сообразив, что таки дети, закивала утвердительно.

– Ничего не понял, – почесал затылок Пивоваров.

– Анжелика через Флорес связалась с родной матерью, – выдохнула я, – и сообщила мне только сейчас. И теперь сегодня в три часа дня эта будет ждать в кафе.

– Да-а-а-а... – пробормотал Пивоваров, – дела-а-а-а...

– Не ходи! – посоветовал Комиссаров. – Она заберёт Анжелику.

– Почему не ходить? – насупился юрист и хмуро посмотрел на слесаря, – Ефим, ты сам-то посуди, что нынче девоч-

ке у нас в Калинове светит? Она у тебя в ПТУ вроде учится, Люба?

– В колледже, – поправила я.

– Один чёрт, – махнул рукой Пивоваров, – не институт же и точка. То есть у неё ни образования, ни связей, ни денег нет. И что ей светит? Выйдет замуж за такого же голозадного, прости, Люба, нарожают кучу детишек, и ты потом будешь метаться между работой, подработками и огородом на даче, чтобы прокормить ещё и их.

Я икнула. Пивоваров сейчас описал ситуацию, которая была у меня в том мире.

– А так мамашка её в Америке всяко нормально пристроит. И, может, и остальных или заберёт, или так помогать будет...

– А как же я? – вытаращилась на Пивоварова я.

– А ты, может, хоть жить для себя начнёшь, Люба! – строго сказала Пивоваров. – А то обвешалась чужими детьми, то она страну спасает, то она мероприятия проводит! А ты когда последний раз с мужиком на свидание ходила, а, Люба? Муж тебя бросил, и ты на себе крест поставила?! А это не хорошо! Ты ещё не старая и можешь свою жизнь начать заново!

– А если меня всё устраивает?! – сварливо огрызнулась я. – Если мне так жить нравится?!

– Ты это Пушкину рассказывай! – фыркнул Пивоваров. – Я же вижу! Хоть и старый, но всё же не повылазило!

– Так ты лучше скажи, что ей делать, раз умный такой, – Комиссаров, который в последние дни был в центре внимания заговорщиков, после пренебрежительных слов Пивоварова почувствовал себя уязвлённо.

– Как это что делать?! – взвился юрист. – Пусть берёт девочку за руку и идёт на свидание с мамашкой. А там пусть смотрит по обстоятельствам. Если мамашка в адеквате, то пусть она своё дитя забирает. И за остальных поговори. Я бы, кстати, на твоём месте, договорился... точнее надо попробовать договориться, чтобы она тебя тоже сюда с детьми забрала.

– И как ты себе это представляешь? – Комиссаров прикурил вторую сигарету, обжег пальцы спичкой и, чертыхнувшись, пнул её в урну.

– Так и представляю, – хмыкнул Пивоваров, – дети были много лет брошены, привыкли к Любе. Вот пусть мамашка Любу гувернанткой при детях берёт. И зарплату платит. А они уже большие. Ты тут, в Америке, чуток поживёшь, денег соберёшь и потом обоснуешься...

– Нет, Пётр Кузьмич, – покачала головой я, – я в России живу. И там я и умру...

– Если не будешь меня слушаться, то умрёшь, – кивнул Пивоваров и ехидно добавил: – От голодухи.

– У меня там отец старый, – сказала я, хоть это был мне не отец, но раз я отыгрываю роль Любы, значит, это – мой отец.

– Отец скоро умрёт, а ты останешься куковать одна, – махнул рукой Пивоваров.

– Зато в России, – рассердилась я. – А не в этой Америке, где я всегда буду даже не вторым сортом!

Если не считать геноцида местного населения, то не было года, чтобы Америка не уничтожала какой-то народ: Африка, Китай, Панама, Куба, Корея, Ливан, Лаос, Иран, Ирак, Босния и Герцоговина, Югославия, Афганистан, Сирия, Пакистан, СССР, Россия... И это я уже не говорю про Хиросиму и Нагасаки, Вьетнам, Украину, Грузию и так далее...

Америка, словно саранча, уничтожает всё вокруг. Я когда-то смотрела фильм, американский кажется, называется «Чужой», там страшные полунасекомые-полурептилии уничтожали людей. Вот у меня образ Америки – это Чужой. Причём рядовые американцы – малообразованные ограниченные люди, но при этом как-то же им удаётся проворачивать свои грязные и подлые делишки и разрушать огромные страны...

– Люба... – из задумчивости меня вывел голос Пивоварова.

– А? – буркнула я.

– Я говорю, что ты думаешь про наш план? – повторил юрист.

– Какой план? – невнимательно спросила я.

– Ой, ладно, тебе сейчас не до планов! – махнул рукой Пивоваров и велел: – В общем, так, Люба. Сейчас иди в комнату. С Анжеликой не ругайся. Вообще ничего ей плохого не говори. Лучше ляг и часик постарайся поспать. Тебе нуж-

но успокоиться. А потом пойдёшь на эту встречу и там разберёшься по ходу дела. И не волнуйся. Эта дамочка бросила детей в детдоме, а сама укатила за сладкой жизнью. Ты думаешь, дети это не понимают? Так что всё будет хорошо. А если получится с неё денег срубить, или детей в Америку пристроить – это будет ещё лучше. Не паникуй, в общем!

– Угу... спасибо... – кивнула я и побрела обратно к себе.

Шла и думала: ну чего я так разволновалась? Конечно, для Анжелики будет лучше жить в Америке. Здесь она выйдет замуж и ей будет хорошо. Во всяком случае на гамбургеры и картошку фри у неё деньги будут всегда. А у нас дома, в России, в ближайшее десятилетие будет тотальный Армагеддон.

Если только у меня не получится помешать всему этому.

Вот только чем дальше я смотрю на свой план, который тогда казался мне таким гениальным, тем больше я вижу, что он слишком мелкомасштабный и, боюсь, ничего у меня не получится.

Я вздохнула и взялась за ручку двери.

Ровно в три часа дня мы с Анжеликой вошли в кафе. В нос шибануло сырно-чесночным соусом и жаренным на углях мясом. В животе у меня заурчало – сегодня мы в столовой только ужинали, а весь день были на подножном корме.

В это время дня посетителей в кафе почти не было. В углу сидела какая-то парочка, а соседний столик заняла компания девушек.

– Где же она? – удивилась я: ни парочка влюблённых ки-

тайцев, ни группа школьниц на маму Анжелики явно не тянули.

– Наверное, опаздывает, – Анжелика, чуть не плача, растерянно оглядывалась вокруг.

– Ты точно уверена, что это именно то кафе? – в третий раз переспросила я.

– Но Флорес сказала...

– А твоя Флорес напутать не могла?

– Она мне письмо от мамы передала! – сказала Анжелика.

– И там было написано, что здесь.

– Тогда я даже не знаю, – пожалала я плечами и вздохнула,

– ну, давай, хоть кофе попьём что ли, раз пришли. Может, опаздывает она, пробки там, или что-то ещё. Подождём.

Анжелика облегчённо выдохнула и плюхнулась за ближайший столик.

У меня в животе заурчало. Есть хотелось всё сильнее.

Улыбчивая официантка подбежала и предложила меню.

Я вежливо взяла, но, глянув на цены, тотчас же торопливо закрыла.

– Ммммм... картошечка... – облизнулась Анжелика.

– Мы, конечно, можем купить здесь и картошечку, и гамбургеры, и всё остальное, – строго сказала я, – но лучше мы за эти деньги купим Изабелле новые кроссовки.

– Угу, – кивнула Анжелика.

– Но кофе мы возьмём, – закончила я и кивком подозвала официантку, – а то просто сидеть неудобно.

Заказав кофе, я принялась рассматривать кафе и улицу за окном. Было скучно. Прошло минут десять, нам принесли кофе. Он был невкусный, но приходилось пить и такой.

Анжелика сидела, как на иголках, отвечала невпопад – волновалась. Я перестала дёргать её, втягивая в разговор. Пусть придёт в себя. Всё-таки такой сложный момент.

Но где же эта мамашка?!

Нехорошо дать ребёнку надежду и не прийти.

Лучше бы вообще отвечать не стала, чем так.

Прошло ещё примерно полчаса... сорок минут... час...

Бледная Анжелика ёрзала на стуле.

– Ты хоть кофе пей, – сказала я, – а то совсем остыл.

– Где же она? – глаза у неё подозрительно блестели.

– Ой, не начинай вот только! – я попыталась придать себе беззаботный вид. – Может, она на машине? Паркуется где-то.

– Ну да, – кивнула Анжелика и в который раз уже без особой надежды выглянула через окно на улицу.

– Ладно, Анжелика, – не выдержала я, – давай будем считать, что у неё что-то не получилось. Пошли домой. Свяжешься с Флорес и спросишь...

И тут дверь кафе распахнулась и внутрь стремительно ворвалась запыхавшаяся женщина.

Глядя на неё, я бы точно сказала – вылитая Изабелла, только значительно повзрослевшая. Дама была одета, как говорится, «на все сто». Черноглазая, волосы начёсаны в вы-

сокую модную причёску. Одета она была в джинсовую куртку и в вельветовые брюки малинового цвета. Ногти и помада у неё были тоже ярко-малиновыми. На пальцах она машинально крутила ключи.

Видно, я точно угадала, что приехала она сюда на собственном автомобиле.

Упакованная дамочка, а общем.

Просканировав взглядом кафе, она сразу же вычленила нас с Анжеликой и ринулась к нам.

– Анжелика! – взвизгнула она, распахивая объятия.

– Мама! Мамочка! – Анжелика подорвалась с места и бросилась к ней.

Они обнялись. Анжелика рыдала.

Когда первый накал страстей стих и мамашка плюхнулась напротив нас за столик, она обратилась ко мне:

– А вы, я полагаю, Люба? – при этом её лицо вытянулось, и она стала похожа на Ричарда в моменты, когда он хочет у меня что-то выпросить.

Мне очень хотелось сказать: мол, да, я – Люба, обманутая супруга Скорохода, с которым ты, дорогуша, крутила любовь много лет подряд и от которого привела двоих детей. Но так как я была не та Люба, то лично у меня претензий к дамочке особых не было.

Поэтому я просто кивнула. Молча кивнула.

– А меня зовут Маша, – она сделала паузу.

Возможно, в этом месте мне следовало сказать «очень

приятно», но я не стала. Опять промолчала.

А Маша, между тем, сказала:

– Извините, что я так задержалась. Там весь город дерьмом заливают. Пришлось объезжать через дамбу. Такого ещё здесь никогда не было...

Глава 11

При этих словах я ощутило вздрогнула.

Не замечая моего состояния, Маша продолжала беззаботно щебетать:

– Поэтому я поехала сначала по дамбе. Но там такая пробка образовалась, просто ужас. Все оказались такими же умными, как и я...

Подошла официантка с меню.

– Мне, пожалуйста, сэндвич с лососем, сэндвич с курицей и мексиканским соусом, вареную кукурузу, наггетсы, порцию френч фрайс и газировку. А на сладкое... – она задумалась, перелистывая страницы меню.

«Куда в тебя столько влезет?» – недовольно подумала я, но вслух не сказала ничего.

– А на сладкое дайте мне банановый чизкейк с клубникой и шоколадом, – она ослепительно улыбнулась и немного виновато пояснила: – Не успела сегодня ещё пообедать.

Анжелика вежливо кивнула и потупила взгляд.

– Вы ведь уже успели покушать? – спросила она, впрочем, лишь для приличия.

Мда, могла бы хоть Анжелике что-нибудь заказать.

– Ой, а ты так выросла, Анжелика, – между тем щебетала Маша, – такая красавица у меня стала!

Анжелика от удовольствия аж вспыхнула и зарделась.

– Расскажи о себе, а?

– Я в этом году поступила в колледж, – сказала девочка и с гордостью добавила: – В педагогический.

– Ой, какая ты молодец! – чуть не захлопала в ладоши Маша. – А я вот так образование и не получила. А с мальчиком ты встречаешься? Признавайся!

Анжелика бросила взгляд на меня, опять покраснела и отрицательно покачала головой.

– А почему так? Ты уже взрослая, такая красивая у меня. Я в твоём возрасте уже встречалась...

Меня эта Маша начала выбешивать. То, что она погули-вала ещё в детстве, не значит, что я позволю её дочери, ко-торая находится на моём попечении, поступать также.

А вслух я сухо заметила:

– Анжелика – несовершеннолетняя. И прежде всего ей сейчас следует думать о том, как получить образование и устроиться в жизни...

– Ой, да что там думать! – хихикнула Маша. – Главное для нас, женщин, – удачно выйти замуж!

Она с неким неуловимым превосходством глянула на меня, и я не удержалась, брякнула:

– Что совершенно не отменяет тот факт, что на твоего мужа всегда найдётся какая-нибудь ушлая профурсетка, кото-рая втихушку нарожает от него детей.

Теперь уже вспыхнула Маша. Но предпочла не комменти-ровать, торопливо переведя тему:

– Так ты сейчас в Калинове живешь, Анжелика? Или в Нефтеюганске?

– В Калинове... – ответила та, – с мамой Лю... ой, с тётёй Любой.

«Ну вот, я уже не мама Люба, а тётя Люба», – подумала я, но никак не показала свои эмоции.

Но Маша оговорку заметила, и ей это явно не понравилось.

Как раз подошла официантка, принесла заказ.

Маша принялась торопливо поглощать еду.

Мне было не впервой быть голодной, когда кто-то рядом ест всякие вкусности, я и в том, моём мире, частенько по молодости сидела на диетах, так что я нормально всё это восприняла. А вот Анжелика, хоть и питалась нормально и полноценно в столовой пансионата «Союза истинных христиан», от обилия стольких вкусностей чуть слюной не захлебнулась.

Но Маша не заметила. Она была поглощена едой.

Анжелика торопливо отвела взгляд, а Маша между тем, вгрызаясь в сэндвич, сказала:

– Расскажи о себе... Ты с братом давно виделась?

– С Ричардом? – удивлённо переспросила Анжелика. – Ну, в принципе давно, недели полторы прошло... почти две даже, если брать с дорогой...

– Так ты его видела?! – Маша схватила огромный запотевший стакан с кока-колой и жадно припала к нему. – Как

он? Где живёт?

– Да с нами он живёт, как и жил, – пожала плечами Анжелика, – что ему станется? Нормально с ним всё.

А я порадовалась, что не рассказала Анжелике о том телефонном звонке из Калинова.

Не хватало ещё сейчас с Машей обсуждать это.

– Тебе нравится в Америке? – вдруг спросила Маша, а сердце моё упреждающе сжалось.

– Здесь природа красивая... и архитектура, – слово в слово повторила за мной Анжелика и метнула взгляд на меня, как я среагирую.

Я сделала лицо кирпичом, типа не поняла.

– Ох, я так скучала по тебе, дочка! – ворковала Маша. – Столько думала о тебе, переживала, как ты там...

Я уже еле сдерживалась. В голову лезли злые мысли: мол, бедненькая какая, так переживала за дочку, что бросила её, сама укатила за границу и даже ни разу не написала, не позвонила... а если бы Анжелика не нашла тебя, то тогда бы как? Так бы ты и продолжала безутешно орошать слезами подушку по ночам?

– Я тоже, – прошептала Анжелика.

– Слушай, доча, я вот подумала, – сделала хитрое лицо Маша, – а, может, ты останешься здесь, у нас в Америке? Будешь жить с нами. А колледжи и тут какие хочешь есть... выберем тебе самый лучший...

– Ой, мамочка... – Анжелика бросилась Маше на шею,

та еле успела отложить очередной сэндвич, иначе быть бы новой футболке Анжелики в мексиканском соусе.

Так, мне это начало надоедать.

Анжелика всё больше и больше попадала под очарование той распрекрасной жизни, которую яркими красками щедро расписывала перед ней Маша.

Нужно было срочно вмешаться. И я вмешалась:

– Маша, – сказала я, и та осеклась на полуслове, так и не рассказав до конца, как Анжелике будет хорошо жить у них в двухэтажном особняке в Нью-Йорке и как она будет ходить в модные торговые центры и на латинские танцы.

– А?

– А кто твой муж? – ласково спросила я. – Где и кем работает? Сколько ему лет?

– Мужа зовут Кайл Смитсон. Работает главным менеджером на фирме по автомобильным запчастям. Ему сорок лет, – похвасталась Маша. – И он спортсмен, между прочим, занимается бейсболом. Играет за команду от нашего района. Он нападающий.

– А тебе?

– Что мне?

– Тебе сколько лет? – коварно спросила я.

Маша, не ожидая подвоха, простодушно ответила:

– А мне сорок три. Но я моложе выгляжу, ты же сама видишь.

Да, выглядела Маша неплохо. На забугорных сытных хар-

чах, правда, она отъелась, но жизнь в комфорте давали ей явную фору перед измотанными вечными бытовыми проблемами ровесницами из некогда союзных республик.

– Хм... ему, значит, сорок пять, он в самом расцвете сил, он красивый, он спортсмен, – начала простодушно перечислять я, – а тебе уже сорок три. А Анжелике – шестнадцать. А ещё через год-два она будет совершеннолетней... И ведь правда же, она очень красивая девочка? А через год совсем расцветёт и станет ещё красивее...

Я улыбнулась.

Искушенный человек уровня агента ноль-ноль-семь явно бы заподозрил уловку, но Маша ведь была просто Машей, которая всю жизнь прожила в Нефтеюганске, охмуря вахтовиков, и даже среднего специального образования не имела. Поэтому Маша ловушку уровня ноль-ноль-семь не заметила.

Но зато Маша прошла суровую школу жизни среди женатых сибирских вахтовиков и посыл уловила сразу. Ощутила так сказать интуитивно. И крепко задумалась. Так, что даже не сразу ответила на какой-то вопрос Анжелики.

Нет, я не была свиньёй. Наоборот, я бы с радостью отдала Анжелику родной матери, да ещё которая живёт в сытой Америке, если бы я была в этой матери хоть на йоту уверена.

Но эту Машу я видела впервые, а впечатление, которое уже сложилось о ней заочно, сейчас лишь укрепилось. И я банально боялась, что девчонка в чужой стране да с такой вот

горе-матерью может запросто попасть в такой переплёт, что не выберется оттуда никогда. И помочь ей мы уже не сможем никак.

Нет уж. Пусть сначала выучится, повзрослеет. Наберётся ума. А мать от неё никуда не денется. Захочет – пусть переезжает хоть в Америку, хоть в Гондурас. Но только тогда, когда уже сможет за себя постоять. Года через четыре. А то и больше.

А вслух я сказала категорическим тоном:

– Так что идея забрать Анжелику в Америку очень хорошая! И правильная! Я одобряю. И, кстати, подумайте, чтобы ей туда-сюда не летать на такое расстояние, то оформляйте документы прямо сейчас. Я всё подпишу. У нас ещё примерно неделя осталась. Если постараться – успеть должны. Если что, с нами юрист приехал, Пётр Кузьмич Пивоваров. Хотя здесь, наверное, нужны свои юристы... Но пока вы будете юристов искать, он хоть сориентирует...

Анжелика захлопала от радости в ладоши, а Маша как-то уж слишком рассеянно и отстранённо кивнула.

Она явно особого восторга больше не испытывала.

Поэтому я подкинула дровишек:

– Так что всем лучше будет, да и дешевле, если Анжелика сразу здесь останется. А одежду и остальные документы ей Ричард привезёт.

– Ричард? – захлопала густо накрашенными ресницами Маша.

– Ну да, Ричард, – кивнула я, – это брат её...

– Я знаю, – икнула Маша и торопливо отпила кока-колы из стакана.

И куда в неё столько лезет?

– Но лучше, если вы одежду Анжелике здесь всю купите, – продолжила рисовать картины прекрасного будущего я, – потому что Ричарду придётся свою же одежду ещё везти, Изабеллу и её вещи тоже...

– Какую Изабеллу? – Маша поперхнулась кока-колой и залила свою куртку.

– Ну, дочь твою, Изабеллу, – неумолимо продолжала нагнетать я. – А у неё одни костыли сколько места займут. Ему же тяжело всё это увезти будет. Поэтому он, скорей всего, возьмёт только самое необходимое! По-минимуму.

Маша побледнела и хватала ртом воздух, словно рыба, выброшенная на лёд.

Мне на секунду стало её аж жалко: жила себе так хорошо, не тужила, как говорится, а тут бац – трое детей на голову, среди которых одна – вообще инвалид. Тут хочешь не хочешь, а воздуха не хватает от потрясения.

– Я это... – она заюлила взглядом, – проконсультируюсь с юристами. Ваш юрист наших законов не знает. Так что я сама всё устрою!

Она схватила десерт и принялась торопливо его жрать, выковыривая оттуда клубнику.

«Видимо, стресс заедает», – решила я.

И продолжила ковать железо пока горячо:

– Ты, когда будешь место для Изабеллы готовить, то выдели комнату ей на первом этаже. Она на второй не заберётся. И ей нужна специальная кровать с очень жёстким лежаком. Или матрас ортопедический...

Маша кивала с таким видом, словно ей хотелось послать меня на три весёлых буквы, но присутствие дочери её сдерживало.

И тут в кафе завывли сирены.

– Извините, у нас эвакуация! Через двадцать минут все должны покинуть помещение! – торопливо сказала официантка. – Извините за неудобство, но в городе прорвало водоканал и канализацию. Власти сообщили об угрозе наводнения. С вас двадцать два доллара и семьдесят пять центов.

– У меня же машина со стороны дамбы припаркована! – воскликнула Маша и принялась торопливо складывать недоёденные сэндвичи в свою сумку. – Всё, девочки, давайте, до встречи! Я доберусь и позвоню! Целую!

Она торопливо клюнула Анжелику в щеку и выскочила из кафе.

За еду она не заплатила.

– Что делать? – тихо спросила Анжелика.

Вид у неё был пришибленный. Такое впечатление, что она вот-вот расплачется.

Тем временем в кафе началась паника.

Посетители начали выскакивать из помещения, подня-

лась суета, шум.

Я схватила Анжелику за руку и, пока здесь неразбериха, вытащила её на улицу.

Надеюсь, наше бегство никто не увидел.

Да, это было некрасиво. Но платить за нахалку из сэкономленных на своём питании денег я не собиралась.

А на улице царил хаос. Словно в фильме про зомби-апокалипсис, люди носились туда-сюда, машины сбились в кучу и вразной гудели. Водители что-то кричали, переругивались. Образовалась огромная километровая пробка.

– Нам туда! – сориентировалась я и потянула за собой Анжелику.

Это кафе было не так далеко от автобусной остановки. Маша сказала, что ей пришлось ехать по дамбе. Значит, волна фекалий идёт с противоположной стороны. Поэтому нужно бежать сюда.

Мы выскочили к остановке, лавируя между вставшими намертво автомобилями. Автобуса даже в помине не было. Да и как бы он смог сюда добраться в такой толчее?!

Кстати, несмотря на отсутствие автобуса, остановка была забита людьми.

Интересно, на что они надеются?

– Давай сейчас пешком, – задыхаясь, просипела я, – пробежим ещё одну или две остановки. А там, дальше, автобусы ещё должны ходить. Авось выедем из города...

И мы побежали. Изо всех сил.

Я бежала и материлась про себя.

Во-первых, на Машу. Вот хитрожолая мамашка какая! Анжелику она, значит, решила забрать. Естественно, деваха здоровая, уже работать может. А жить будет у них и зарплату отдавать мамашке. А вот остальных мелких детей ей не надо. Особенно дочь-инвалида.

Кстати, она даже не спросила ничего про Изабеллу. Неужели настолько ей плевать?

Даже о Ричарде она хотя бы из вежливости любопытствовала, а Изабелла её совсем, получается, не интересуется.

Ну и вот как так бывает?

Мы резко свернули в сторону, чуть не проворонив нужный поворот, и побежали дальше.

– Я больше не могу! – чуть не плача, крикнула Анжелика.

– Я устала! Давай хоть минутку передохнём!

– Я старая и то бегу! – хватая ртом воздух, выдохнула я.

– Если не хочешь утонуть в дерьме – беги! В автобусе потом отдохнёшь.

Анжелика шумно шмыгнула носом и побежала.

Мы свернули ещё раз. Очередная забитая людьми остановка. И даже следа автобуса нет.

– Бежим дальше! – велела я.

И мы опять бежали.

Я не знаю, сколько продолжался наш забег. Думаю, мы побили все марафонские рекорды.

Наконец, мы выскочили у какой-то остановки, где был со-

циальный транспорт и люди с белыми и красными повязками на рукавах.

– Анжелика, объясни им, что нам нужно выехать из города! – хрипло велела я, пытаясь рукавом вытереть заливающий глаза едкий пот. – А то я сто лет переводить буду. Ты адрес пансионата знаешь?

– Знаю, – кивнула та, бросилась к ближайшему коренастому негру с повязкой и затараторила на английском.

А я обессиленно прислонилась к ближайшему дереву. Руки и ноги дрожали, сердце ходило ходуном, перед глазами плыли круги.

– Мадам, вам плохо? – по-английски спросила девушка в белой накидке с эмблемой красного креста, требовательно заглядывая мне в глаза.

– Угу, – прохрипела я, – дайте воды!

– What? – не поняла та.

– Water! Drink!

– One minute, madam, – улыбнулась девушка, сбегала к фургону и принесла мне бутылку воды.

О! Какое же это блаженство – испить глоток воды после километрового забега.

Я так не бегала никогда, ни в той, ни в этой жизни, мамой клянусь.

Теперь Америку я ещё больше не забуду.

И, кстати, вопросов у меня к Комиссарову и Куцу значительно прибавилось. Ну ведь какие гады! Могли же меня

предупредить, что город говном зальется. Я бы хоть не попёрлась в это кафе. Сидели бы дома, в целости и сохранности.

Буквально через десять минут небольшой микроавтобус был укомплектован такими же спасшимися бедолагами, как и мы с Анжеликой, и мы выехали по направлению в пригород.

– Они сказали, что нас вывезут в соседний район. А уже оттуда мы сможем добраться в наш пансионат, – деловито объяснила Анжелика, которая экспроприировала мою бутылку с водой и сейчас допивала остатки.

– А они не сказали, на чём мы доедем? – забеспокоилась я. – Если на такси, то у нас денег столько нет.

– Я уверена, что там будут автобусы, – беспечно отмахнулась Анжелика и задумчиво спросила: – Мама Люба, как ты думаешь, это дерьмо, она до нашего пансионата не дойдёт же?

– Думаю, что во всём Нью-Йорке столько дерьма не найдётся, чтобы залить всю Америку, – дипломатично ответила я и посмотрела в окно.

Некоторое время мы ехали молча.

Анжелика демонстративно сопела, явно хотела обсудить всё со мной, но я не обращала внимания.

Пусть отрефлексирует эту ситуацию.

А сама смотрела в окно и думала. Да, мы сделали это! Мы залили дерьмом почти весь Нью-Йорк. Чувствовала ли я рас-

каяние? Не знаю. Если смотреть на нанесённый вред архитектуре, то, возможно, и да. Но если брать в целом и сравнить с тем, что через пару десятков лет Америка зальёт, причём не дерьмом, а кровью, Косово, Донбасс, Курск – то нет. Наоборот, я ощущала удовлетворение и радостное злорачество.

Но Комиссарова и Куца я убью, как вернусь!

Когда мы, наконец, с двумя пересадками и одним большим скандалом добрались-таки до пансионата, я отправила Анжелику отдыхать, а сама буквально ворвалась в комнату Куца.

Все трое красавцев сидели в номере и что-то обсуждали.

– Я сейчас кого-то убью! – сурово заявила им я. – Разве нельзя было предупредить? Мы в городе чуть в дерьме не утонули! Там капец сейчас что творится!

– И это только начало, Люба, – тихо сказал Пивоваров и тяжело вздохнул.

Глава 12

– Как вам это удалось? – удивилась я.

Признаюсь честно, я, конечно, надеялась, что нам удастся совершить пару диверсий. Возможно, даже среди них будет одна-две большие. Но, честно скажу, такого масштабного барабума даже я не ожидала.

– Это всё Гольдман, – скромно сказал Кущ. – Если бы не его схемы...

– Это его племянница постаралась, – добавил Комиссаров. Он весь аж лучился от удовольствия, – а мы просто воспользовались моментом.

– Ути-пути, скромняшки какие, – довольно хохотнул Пивоваров, – а сами-то так, просто в сторонке постояли, стенку колупали.

– Но согласитесь, Пётр Кузьмич, без его помощи у нас бы так не вышло, – не согласился Кущ, – Да, кое-какие манёвры мы бы, конечно, сделали. Но это всё было бы не столь серьёзным!

– И спасибо Ирине Александровне, что его привела, – вспомнил Пивоваров, – а мы про неё плохо думали. Надо бы извиниться и принять в нашу компанию.

– А можно конкретнее о манёврах? – мне было любопытно.

– В общем, удалось жахнуть все четырнадцать станций, –

пояснил довольный Куш.

– В смысле жahnуть? – побледнела я.

– Да там ничего страшного, – махнул рукой Комиссаров, – мы просто штыри в нужных точках вбили и всё посыпалось. Они же, буржуи, слишком уж на технологии свои надеются. А мы по старинке... взяли арматуру, приспособили в нужных местах, чуток покоцали, и вот результат...

Он хохотнул и, потирая ладони, сказал:

– Это дело теперь и обмыть можно!

– У нас же сухой закон, – вздохнул Куш, – Арсений узнает – проблем потом не оберёшься.

– Да, Ефим, – поддержал его Пивоваров, – давай уже, как вернёмся, тогда и отметим, с размахом. Можно у меня на даче. Там лес, речка, рыбалка... Я такие шашлыки делать умею, пальчики оближешь, меня ещё дед научил. Берёшь, значит, мясо и замачиваешь его...

Но в чём правильно замачивать мясо по родовому рецепту Пивоваровых, мы так и не узнали – неожиданно дверь распахнулась и комнату заполнили люди.

– Что случилось? – изумлённо выдавила я.

– Вот! – закричала Аврора Илларионовна, тыкая в Куша пальцем и живенько обернулась к двум мрачным полицейским, – Это они! Я вам точно говорю, это они! Вяжите их!

Полицейские переглянулись и один из них спросил:

– What?

– Где эта переводчица? – заверещала Аврора Илларионов-

на. – Они же ни черта по-нашему не понимают!

– Сейчас позовут, – в комнату деловито вошел Ляхов, её зять.

– Так, что здесь происходит, товарищи?! – мгновенно взял ситуацию в свои руки Пивоваров, видя, что творится что-то непонятное, – вам кто позволил врваться в личный номер. А?

– Это же полицейские! – взвизгнула Аврора Илларионовна и посмотрела на нас с триумфальным видом.

– Я вижу, что полицейские, – жестко ответил юрист, – с ними мы сами разберёмся. Я спрашиваю, кто вам позволил врваться сюда, Аврора Илларионовна?

– Но я... – с апломбом начала она, но Пивоваров перебил:

– Извольте покинуть комнату. И зятя своего прихватите!

– Вы тоже не проживаете здесь, Пивоваров! – рявкнул Ляхов. – Что вы распоряжаетесь, как у себя дома?!

– Зато здесь проживаю я, – подскочил Куц, – и я, как хозяин комнаты, говорю вам – уходите!

– Мы пришли с ними! – вызверилась Аврора Илларионовна и указала пальцем на полицейских.

Ссора набирала обороты, и тут появилась Валентина Викторовна, наша переводчица, а с нею – Арсений Борисович. Оба были изрядно напуганы.

– Что у вас опять здесь происходит? – с порога набросился старейшина на Куца.

– Эта женщина вломила к нам в номер и привела за-

чем-то полицейских, – указал Пивоваров на старуху, – у неё и спрашивайте.

– You are under arrest on suspicion of terrorism! – заявил первый полицейский и вытащил наручники.

– Что?! Что он сказал?! – забеспокоился старейшина, вертя головой туда-сюда.

– Он говорит, что арестовывает Фёдора Степановича по подозрению в теракте, – пролепетала Валентина Викторовна и очумело посмотрела сперва на Благообразного, потом – на меня. – Господи, какой бред!

– С ума сойти! – схватился за голову Арсений Борисович. – И что теперь будет?

– А что будет? – жестко сказал Пивоваров. – Ничего не будет! Вину ещё доказать надо. Алиби проверить, доказательства найти и всё такое.

Тем временем полицейские ловко надели наручники на Куща и Комиссарова.

– Ребята! – строго сказал им Пивоваров, припечатывая каждое слово. – В участке молчите. Требуйте переводчика, русскоязычного адвоката и обязательно представителя нашего российского консульства. И не вздумайте ничего без них говорить. И главное – ничего не бойтесь. А я сейчас начну решать ваши вопросы с нашей стороны...

– Они оба виноваты! – обличительно заверещала Аврора Илларионовна. – Я точно могу доказать, что это они залили дерьмом весь город! Я всё знаю! Вы здесь хорошо поищите!

У них тут полно вещественных доказательств можно найти!

Полицейские что-то тихо перемолвились, наша переводчица им переводила.

– Валентина, переведи им, – строго велел Пивоваров, хмуря лоб, – спроси, у них ордер на обыск есть? Если нет, то пускай сначала привезут и покажут. Без ордера мы не позволим. Это – частная собственность.

Та перевела и полицейские опять взволнованно зашумели.

– Не пытайтесь оттянуть наказание! – злорадно окрысилась Аврора Илларионовна. – Они стопроцентно виноваты!

– Как? – нахмурился Пивоваров. – И зачем вы возводите такую клевету, Аврора Илларионовна? Да ещё в чужой стране. Вы поймите, от этого ни нам, ни вам хорошо уже не будет! В любом случае – виноваты ли они, или же произошло досадное недоразумение, нормально уже никому не будет. Особенно, если они действительно окажутся виноваты. Вы отдаёте себе отчёт, что это – международный скандал, вплоть до разрыва дипломатических отношений между странами. И вы, возможно, добьётесь, чтобы их закрыли здесь, в тюрьме. Но рано или поздно вам и вашей семье придётся возвращаться домой и давать объяснения соответствующим структурам. Это очень серьёзно. Это не в бирюльки играть, Аврора Илларионовна. Так что зря вы всё это затеяли...

И тут Аврора Илларионовна осознала, что натворила. Она пошла красными пятнами и схватилась за сердце.

Её высокопоставленный зять побледнел. Губы его превратились в тонкие ниточки. Глаза зло сузились.

А я не удержалась и добавила, не обращая ни к кому и старательно маскируя ехидство:

– Вот что бывает, когда решил выгулять своих родственничков по заграницам за казённый счёт.

На меня все посмотрели, Аврора Илларионовна что-то невразумительно прошипела, правда так тихо, что никто не разобрал ни слова.

Когда ребят увели, а Благообразный с Валентиной Викторовной ушли сопровождать их в участок, а Ляховы, как собачонки, побежали вслед за ними, лишь бы не оставаться наедине с нами, мы с Пивоваровым остались в номере Куца одни.

– Мать его итить! – от души выругался Пивоваров. – Ну как так вышло?! Как эта дура старая всё это додумалась затеять! Вот ведь дрянь какая! Её явно кто-то надоумил, не иначе!

– Да уж, – вздохнула я и с надеждой посмотрела на юриста. – И что же теперь делать, Пётр Кузьмич?

– Стоять на своём, – отрезал Пивоваров. – А ещё надо выяснить, что именно она им наболтала.

– Это я выясню, – твёрдо пообещала я. – Сегодня же.

– Как?

– Валентина Викторовна всё ещё надеется стать моей свекровью, – с нервным смешком пояснила я, – только между

нами это, ладно?

Пивоваров глянул на меня с непонятым интересом и кивнул. Выражение лица его при этом было совершенно нечитаемым.

Хотя мне уже до всего этого не было дела – лишь бы ребят оттуда вытащить. И поскорее бы.

– Воспользуюсь ситуацией и выясню у неё всё по-родственному, так сказать, – я не удержалась и опять зло хихикнула.

Пока я ждала возвращения Валентины Викторовны из полицейского участка, чтобы расспросить, решила привести в порядок свои записи в блокноте. Раскрыла, начала перечитывать первые странички и задумалась. Какая-то прямо чехарда событий. И на каждый успех, такое впечатление, что два-три провала. Словно кто-то постоянно вмешивается и мешает...

Из задумчивости меня вывело тихое покашливание.

Анжелика.

Я обернулась и молча посмотрела на неё. События сегодняшнего дня сильно выбили меня из колеи, но я всё равно понимала, что она от меня не отцепится и нам так или иначе всё равно предстоит серьёзный разговор. Так что лучше поставить все точки над «i» и не тянуть с этим.

– Говори уже, – вздохнула я, усаживаясь на кровать.

В том, что разговор предстоит непростой, я даже не сомневалась.

– Как тебе моя мама? – спросила Анжелика, заискивающе заглядывая мне в глаза.

– Мама как мама, – дипломатично попыталась увильнуть от прямого ответа я.

Но номер не прокатил.

– Она тебе понравилась?

Я посмотрела на Анжелику. Ей уже шестнадцать лет. Пора понемногу начинать снимать розовые очки, а то так и войдёт во взрослую жизнь божьим одуванчиком. Как показывает практика, с такими жизнь расправляется довольно жестоко.

Поэтому я ответила жёстко:

– Нет.

– П-почему? – губы Анжелики задрожали.

– Анжелика, что мне тебе ответить? – прищурилась я. – Правду или то, что ты хочешь от меня услышать?

– Правду, – пролепетала она, нервно щёлкая костяшками пальцев.

– А раз правду, то изволь слушать, – безжалостно начала я, – и прекращай калечить суставы пальцев. Потом в старости не налечишься.

Анжелика смутилась и быстро спрятала руки за спину. А я продолжила:

– Вот тебе правда. Сама подумай, как я могу относиться к женщине, которая много лет, годами, спала с моим законным мужем? Которая родила от него двоих детей, потом их

сбросила на меня? А когда я этих детей вытянула и вывела, можно сказать в люди, сейчас начинает качать права в попытке отобрать тебя? Причём моим мнением она вообще не интересуется!

Анжелика покраснела.

– Она даже спасибо мне не сказала! – хмыкнула я. – Но претензии у меня к ней даже не по этому поводу.

– А по какому? – прошептала Анжелика, лицо её пылало. Разговор давался ей непросто.

Но я решила довести его до конца. Иначе потом получится ещё одна Маша. Только звать её уже будут Анжелика.

– А давай ты сама ответишь на этот вопрос, – улыбкой мудрого Балу ухмыльнулась я, – вот мы сейчас встретились с нею в кафе. Напомни, сколько лет вы не виделись?

Анжелика закатила плаза, губы её задвигались, она подсчитывала годы.

– Почти три года, да? – подсказала я. – Или даже четыре? И вот через три-четыре года вы встретились. А теперь скажи, что тебя в этой встрече смутило?

– Ну... – замялась Анжелика.

– Ладно, давай я тебе немного помогу, – смилостивилась я и подсказала: – Еду она кому заказала?

– Себе, – вздохнула Анжелика.

– Тебя это не смущает? – спросила я.

– Ну, может, она решила, что мы уже поели... – дипломатично высказала предположение Анжелика.

– Может, и так, – кивнула я, – но спросить об этом она, как минимум, у тебя должна была?

– Должна, – вздохнула Анжелика.

– Даже если мы поели, то заказать нам по кофе, с тем жутким пирожным, она вполне могла бы, правильно? Тем более, что это она нас пригласила в кафе.

Анжелика кивнула. На этот раз молча. Крыть ей было нечем.

– Давай дальше, – неумолимо продолжала я. – О чем она у тебя поинтересовалась?

– С какими мальчиками я встречаюсь, – вспыхнула Анжелика.

– Вот! – подняла я указательный палец вверх. – Три года мать не видела дочку и первое, что она спросила – с какими мальчиками ты встречаешься. А что, по-твоему, должна была спросить дочку мать?

Анжелика опять вздохнула.

– Как минимум хотя бы о том, как ты живёшь, есть ли у тебя своя комната, хватает ли тебе одежды, не обижаю ли я тебя, помогает ли тебе отец и так далее. Правильно?

– Угу, – прошелестела Анжелика и опустила голову.

– А что она спросила про Ричарда?

– Когда я с ним виделась, – сказала Анжелика.

– И всё?

– Да.

– А про Изабеллу?

– Ничего...

– Причём Изабеллу она не видела никогда. В смысле после рождения видела, а потом – больше никогда. И даже фотографию показать не попросила. И не удивилась, что Изабелла уже ходит. Пусть с костылями, но ходит же! Тем более и не обрадовалась даже. И это мать.

Анжелика опять вздохнула.

– А когда объявили чрезвычайную ситуацию, что она сделала? Как себя повела?

– Ну, она же торопилась, – попыталась оправдать её Анжелика.

– И поэтому бросила несовершеннолетнюю дочку в опасности? – моя бровь саркастически изогнулась. – Причём она же прекрасно в курсе, что везде жуткие пробки, выехать невозможно, общественный транспорт не ходит, города мы не знаем, денег у нас нет. И всё равно она помчалась спасать свою задницу, а о дочери даже не подумала.

– А ещё на что ты должна была обратить внимание?

– Ну...

– Тогда я подскажу, – поморщилась я, – она не только не оставила тебе денег на дорогу, уж о том, что приехала к тебе без подарка, я уже молчу, но даже не заплатила за свою еду!

– Ээээ... – промычала нечто нечленораздельное Анжелика.

– То есть она действительно считает, что шестнадцатилетняя школьница должна оплачивать её еду? Или обманутая

жена её любовника?

Глаза Анжелики стали по пять копеек.

– Ты её не любишь, потому и наговариваешь на неё! – выпалила она.

– Конечно, наговариваю! – моментально согласилась я. – Всё вру и наговариваю! На самом деле всё было совершенно не так! Твоя мама приехала за нами прямо к воротам пансионата. Затем она покатила нас на машине, показала город. Затем пригласила нас к себе домой познакомить с мужем и показать дом. Перед этим мы заехали в кафе, где она накупила еды, причём именно той, которая твоя любимая. А ещё она подарила тебе прекрасный подарок. Новый фотоаппарат. Или даже золотые серёжки для тебя. А потом мы заехали в очень модный торговый центр и она накупила тебе красивой одежды. И для Ричарда. И для Изабеллы. И всё это время она расспрашивала тебя о твоей жизни, о твоих мечтах, о сестре и брате...

– Хватит! – Анжелика разрыдалась.

– Ты же сама просила, – пожала плечами я.

Да, это было жестоко. Но пусть она расстанется с иллюзиями и выплачется сейчас, чем потом останется с этой Машей в Америке и попадёт в нехорошую историю.

– Ты просто не хочешь, чтобы я осталась здесь с мамой! – зло выпалила Анжелика.

– Почему не хочу? – ответила я. – Мы же договорились, что Ричард привезёт твои документы, одежду и Изабеллу.

Так что всё мы обсудили. Ты же сама прекрасно слышала. Только нужно, чтобы Маша денег на билеты своим детям дала, а то у меня нет столько. Даже если мы дом деда Василия продадим.

– Я тебя уже знаю! – завелась Анжелика. – Ты специально ей так это всё описала, чтобы она не согласилась меня забрать!

– Что не так опять? – сделала наивный вид я. – Что я не так ей описала?

– А зачем ты ей сказала про Ричарда и Изабеллу, что они тоже приедут? – зарыдала Анжелика.

– Затем, что они твои брат и сестра. Родные брат и сестра. И ещё совсем маленькие. Вот скажи, Анжелика, ты готова их бросить в России навсегда и больше никогда не увидеть? Ты готова отказаться от Ричарда и Изабеллы взамен на красивую сытую жизнь?

Анжелика всхлипнула и посмотрела на меня круглыми от изумления глазами.

– А теперь делай выбор, – тихо сказала ей я, – и его должна сделать только ты сама. Я сейчас схожу к Валентине Викторовне, а когда вернусь, ты сообщишь мне о своём решении. И не беспокойся, я приму любой твой выбор.

С этими словами я вышла из комнаты, оставив там плачущую Анжелику.

Мне было её очень жаль. Но по-другому я не научу её не совершать ошибок. Мне не нужно, чтобы она потом всю

жизнь себя корила за неправильно сделанный выбор.

Я тихо прошла по коридору.

Комната Валентины Викторовны была в самом конце.

Я прошла мимо комнаты Ляховых. Там, а стеной, слышались гневные крики. Кажется, орали они хором.

И эти развлекаются...

У двери Валентины Викторовны я чуть замешкалась, подыскивая слова, которые я ей скажу. А затем решительно постучала.

Глава 13

– Любушка! – то ли обрадовалась, то ли удивилась моему появлению Валентина Викторовна. – Заходи. Случилось ли что?

Я вошла. Наша переводчица сегодня явно устала – под глазами тёмные круги, морщинки стали гораздо заметнее. Явно день для неё был трудным. Ну а конечно – столько переводить для полицейских и наших.

– Извините, Валентина Викторовна, вы устали, я вижу, – я сделала паузу и не ошиблась.

Переводчица моментально ответила:

– Ну что ты, Люба! Как бы я ни устала, но чайку мы с тобой выпьем. У меня как раз коробка имбирных пряников есть – представляешь, Арсений Борисович дал.

Ого! Я уже немного изучила Благообразного и поняла, что он так-то жадноватый. И если он вот так запросто всучил ей целую коробку явно недешевого печенья, значит, дал команду не распространяться о том, что было в полицейском участке. А мне как раз нужно было всё выяснить.

И вот что теперь делать? Но вслух сказала:

– Замечательно! – Моя улыбка была абсолютно искренней и радостной (ведь я сегодня не только без обеда осталась, но и без ужина).

Мы устроились за небольшим письменным столом, кото-

рый был в номере Валентины Викторовны, и принялись пить чай.

Пора было переходить к разговору, и начать я решила издали:

– Валентина Викторовна, я всё устроила! – заявила я и взяла ещё один пряник.

– Что именно, Люба?

– Насчёт детей. Ну, мы недавно обсуждали, – ответила я, – мы встретились с родной матерью Анжелики и договорились, что она её забирает. А Ричард потом привезёт все документы и Изабеллу.

– Так это же прекрасно! – Валентина Викторовна аж в ладоши захлопала от радости, но потом поняла, что неуместно такое проявление эмоций и торопливо поправилась: – Я просто рада, что они будут с родной матерью! И ты такая молодец! Такая благородная, что свела их всех вместе! В жизни всякое бывает, но дети должны быть с матерью!

Она ещё некоторое время позаливалась соловьём на эту тему. Я взяла себя в руки и выдержала, хоть и неприятно было и от её слов, и от того, что я сейчас всё это вру. Но теперь, даже если она спросит у Анжелики, правда ли это, так она подтвердит. Ведь мы это действительно с Машей обсуждали. А в том, что из этого хоть что-нибудь получится, я сильно сомневалась. Я вообще, честно говоря, считаю, что мы больше эту Машу никогда и не увидим. Но ни Анжелике, ни Валентине Викторовне о моих мыслях знать не обязательно.

А пока ситуация в таком вот «подвешенном» состоянии, нужно постараться извлечь из этого максимальную пользу.

Вот я и постаралась.

– Но тут такой момент... сложный момент... – сделала вид, что озабоченно замялась я (эх, такая артистка во мне пропадает! Станиславский нервно курит в сторонке!).

– Какой момент? – резко оборвала свой довольный щебет Валентина Викторовна.

– Из-за этого случая... ну с полицией... – я опять замялась, сделав выразительную паузу, но Валентина Викторовна не среагировала, поэтому я жахнула контрольный. – Пивоваров говорит, что там с документами на опеку нужно быстро всё проверить, там сроки какие-то сжатые... А я не знаю, что происходит из-за этих мужиков наших и надолго ли мы тут застряли?

– Ах, ты об этом! – облегчённо усмехнулась Валентина Викторовна. – Арсений Борисович говорит, что мы уедем, а вот они останутся.

– И мы их бросим? – сделала огромные глаза я.

– Ну, раз они виноваты... – развела руками она.

– А они точно виноваты? – закинула удочку я. – Там всё уже доказано?

– Да нет же! – понизила голос до еле слышного шепота Валентина Викторовна. – Но я не могу говорить, я Арсению Борисовичу обещала молчать.

– Но мне же можно! – тоже перешла на шепот я. – По-

родственному. Нам же нужно рассчитать, как быть с документами на детей. Понимаете, у Маши, это мать Анжелики, Ричарда и Изабеллы, денег на три билета для них не хватит. Только на два. Поэтому Анжелике придётся тут оставаться. А нужно же понимать, как с визой быть.

Я врала так вдохновенно, что даже сама поверила:

– И понимаете, в чём ещё загвоздка, Изабелла... она же инвалид, для неё специальные условия перевозки должны быть, инвалидное кресло, а это всё в их буржуйских аэропортах недёшево. Нужно сориентироваться. Если, конечно, вы не хотите, чтобы Изабелла осталась с нами.

От этих слов Валентина Викторовна чуть чаем не поперхнулась.

– Просто тогда Маша сможет Изабеллу только через полтора года забрать, понимаете?

Валентина Викторовна понимала. А я продолжила давить на психику бедной женщине:

– И поэтому надо знать все сроки. Если у них вину не докажут, то всё равно, пока до конца разберутся – мы ещё на неделю-две точно задержимся. А потом у Анжелики виза просроченная будет и всё, финиш! Придётся её тогда с собой забирать. И все наши планы рухнут, понимаете?!

– Да, я понимаю, – Валентина Викторовна глубоко задумалась, нервно сделала глоток чаю и, наконец, приняв для себя решение, ответила: – В общем, доказательств там никаких нет.

– А почему же тогда их задержали? – удивилась я, а в душе так обрадовалась, что хотелось подскочить и станцевать ламбаду.

– Потому что Аврора Илларионовна заявила на них в полицию. Она утверждает, что подслушала их разговор, – опять понизила голос до шепота Валентина Викторовна, – дескать, они обсуждали, как щитами перекрыть трубу, по которой отходы поступают во вторичные отстойники...

– Ну и что? – не поняла я. – Это разве запрещено?

– Что запрещено?

– Обсуждать вторичные отстойники в Америке? Есть такой закон разве?

– Да нет же! Они обсуждали эти отстойники, точнее, как их перекрыть, на станциях Оуквуд Бич и двадцать шестой Вод. И когда случился этот катаклизм, то всё рвануло именно на станциях Оуквуд Бич и двадцать шестой Вод! Теперь ты понимаешь?!

– Да ладно! – обалдела я. – Может, совпадение? Может, они телевизор смотрели, там сейчас в новостях всё это круглосуточно перечисляют?

– Я не знаю! – устало покачала головой Валентина Викторовна. – Может, и совпадение. Хотя, я не особо в такие совпадения верю. Но там есть ещё один веский фактор...

– Какой? – моё сердце нехорошо ёкнуло.

– А такой! Фактор, что Комиссаров – слесарь-сантехник, а Куш – учитель физики. То есть они в этом хорошо разби-

раются.

– Ну и что? Это ещё ничего не доказывает! – отмахнулась я, а у самой сердце вот-вот из груди выпрыгнет. – Думаю, что если бы они были балеринами, то Аврора Илларионовна заявила бы на них в полицию, что они так сильно топали пуантами, что труба на станциях Оуквуд Бич и двадцать шестой Вод не выдержала и лопнула...

Валентина Викторовна расхохоталась, а мне захотелось сходить к Ляховым и чем-нибудь пристукнуть подлую старуху. Но вслух я сказала:

– А что Арсений Борисович говорит?

– Ох, он так ругается, – вздохнула Валентина Викторовна и пожаловалась: – Говорит, не надо было калиновскую делегацию сюда брать. Представляешь?

– А ничего, что финансирование на калиновскую делегацию выделили? А уж это они подсуетились и влезли! – рассердилась я.

– Ну, вот так он теперь считает, – пожала плечами Валентина Викторовна и сдержанно зевнула.

– Ладно, пойду я, – правильно истолковала посыл я, – вы устали, Валентина Викторовна. Если будут новости, вы мне сразу говорите! А то, боюсь, придётся Анжелику с собой забирать, и наша с вами мечта о домике в деревне без чужих детей останется просто мечтой.

Валентина Викторовна клятвенно обещала все новости мне сразу же сообщать, по-родственному.

– А когда вы опять к ним пойдёте? – на всякий случай спросила я её уже у самой двери.

– Да завтра после завтрака сразу и придётся, – пожаловалась Валентина Викторовна, – хотела завтра сходить на местный рыночек. Там, говорят, хорошие трикотажные футболки продают и недорого. Очень качественные. Я бы Алексею парочку прикупила.

– Так я завтра могу сходить и купить! – пообещала я. – А ещё лучше, давайте завтра после того, как вы вернетесь из участка, вместе сходим?

– Да! Давай лучше вместе! – обрадовалась Валентина Викторовна. – Но ты меня дождись тогда, Люба. Потому что я скорее всего опоздаю. Мы же вместе с Арсением Борисовичем пойдём. А он такая копуша, ужас прямо... как начнёт свои вопросы задавать, то три часа без перерыва!

– А вас вдвоём туда разве пустят? – спросила я.

– Ну конечно! Он же от нашей делегации «Союза истинных христиан». А я – как переводчик. Нам вот и пропуск на двоих выдали.

Я распрощалась с «будущей свекровью» (глаза бы мои её не видели!) и напрямик отправилась к Пивоварову.

А тот уже меня не мог дождаться.

– Ты чего так долго?! – набросился он на меня прямо с порога. – Рассказывай!

– Долго её ждала, – ответила я и пересказала весь разговор.

– На двоих, говоришь, пропуск выдали? – обрадованно заинтересовался Пивоваров. – Это же просто отлично, Люба! Просто за-ме-ча-тель-но!

– И что здесь отличного? – не поняла я. – Что наши парни в тюрьме сидят?

– Замечательно то, что Арсений и Валентина вдвоём туда пойдут! – повторил юрист.

– Ничего не поняла! – рассердилась я (устала как собака, да ещё и переволновалась, а этот тайны на ровном месте разводит!).

– Смотри, Люба, – начал объяснять мне Пивоваров, – обычно они в таких пропусках просто пишут «на 2 персоны», без указания ФИО. Понимаешь?

– Угу, – кажется, я начала немного понимать, но всё равно не догоняла, к чему он клонит. – И что?

– А то! – припечатал Пивоваров. – Что вместо Арсения завтра туда пойдёшь ты! С парнями перекинуться двумя словами надо и предложить им план по спасению.

– Я-а-а-а? – я так удивилась от того, что пойду я, что даже не спросила, что за план придумал Пивоваров.

– Ну, а кто, я что ли? – поморщился тот.

– Ну да, – кивнула я, – вы же юрист.

– Вот поэтому! – многозначительно поднял вверх указательный палец Пивоваров. – Если засыпешься ты, Люба, и тебя тоже повяжут, то я должен оставаться на свободе, чтобы потом вас оттуда вытащить! А если пойду я и там останусь,

то ты тут сама ничего не сделаешь. Понимаешь?

Я понимала. Но перспектива засыпаться и попасть в тюрьму, пусть и американскую, меня, мягко говоря, не вдохновляла.

А Пивоваров между тем продолжал развивать мысль:

– Итак, Люба, план такой! Слушай сюда!

Я слушала. И чем больше слушала, тем больше офигевала. План у Пивоварова был действительно очень простой. Пункт один: нужно было чем-то притравить Арсения Борисовича, чтобы он, конечно же, не умер, но чтобы завтра идти никуда не смог. Пункт два: вместо него пойду я как лидер калиновской делегации. Пункт три: мне нужно будет пронести в тюрьму записку и тайно передать её Кущу. Можно и Комиссарову, но лучше Кущу.

– Ну как план? – довольный собой, сказал Пивоваров.

– Капец, – выдавила из себя я и схватилась за сердце.

– Тогда давай думать по пункту один, – предложил Пивоваров.

– Может, проще Арсению Борисовичу ногу сломать? – робко предложила я. – Это гуманнее, как мне кажется. А то даже если мы яд где-то и найдём, то дозировку правильно рассчитывать ни вы, ни я не умеем. И можем перестараться и попасть по соседству с Фёдором Степановичем и Ефимом Фомичом.

– Не бойсь, Любаша! – хохотнул Пивоваров. – Прорвёмся! Мы в сорок пятом Победу над фашистами одержали! Что

мы не сможем каких-то глупых америкосов вокруг пальца обвести?!

Я вспомнила Донбасс и Каховку из моего времени и тяжело-тяжко вздохнула.

Но говорить ему, ясное дело, я ничего не стала. Да и нельзя у человека отбирать надежду.

– В общем, ты сейчас иди к себе, отдыхай! – велел Пивоваров. – По дороге будешь идти, кликни мне Ольгу Ивановну. Она, хоть и агроном, но химию знает отлично. А завтра перед завтраком загляни сюда. Я дам указания. Понятно?

Я кивнула и поспешно ретировалась, пока он не придумал ещё один гениальный план.

Когда Сиюткина торопливо утопала к Пивоварову, я шла, шла и вдруг остановилась. Прямо посреди коридора.

Голову пронзила мысль, да так резко, что аж в глазах потемнело.

Карта!

Мы же спрятали в карнизе карту с отмеченными точками для диверсий!

И если завтра полицейские припрутся с ордером делать обыск (а в том, что они обязательно припрутся, я даже не сомневалась) и найдут карту, то всё! Считай, вина Куща и Комиссарова доказана на сто процентов. Уже списывать на бред полоумной старухи не получится.

И что делать?

Я маялась в коридоре и не могла принять верного реше-

ния. Возвращаться к Пивоварову за советом не хотелось. Он сейчас ещё что-нибудь эдакое придумает. Но и бросать карту в комнате тоже никак нельзя.

И я решилась.

Тихонько-тихонько, на цыпочках, поминутно оглядываясь, побрела я к номеру, где проживал Куц.

Там, на двери, была присобачена такая бумажная блямба с печатью.

Это полицейские опечатали комнату.

Но когда русского человека останавливала какая-то бумажечка на двери?

Я немножко похекала над нею, поплевала маленько (чтобы чуточку смочить края) и бумажечка совершенно прекрасно отлепилась. Да так аккуратненько, что даже края печати не поплыли.

Затем я вытащила шпильку из подола халата (от сглаза ношу что в том мире, что в этом, по старой привычке, вот и пригодилась), немного поковыряла в замке и дверь со слабым щелчком распахнулась.

Вот и чудненько.

Осторожно, на цыпочках, я прокралась в комнату и сразу полезла к карнизу. Хорошо, что там стул рядышком стоял, так что не пришлось ничего выдумывать.

Встала на стул, сунула руку в отверстие карниза... и обомлела.

Там было пусто!

Да ладно! Не может этого быть!

Может, аж туда поглубже карта провалилась? Вот что я буду делать, если она аж на середину карниза попала? Он же метра полтора, если не больше! Чем я её оттуда выковыряю? Да ещё и незаметно чтобы?

Я запихнула палец поглубже. Внутри была то ли пыль, то ли какой-то налёт, но указательный палец, который свободно проходил с краю, туда, дальше застревал намертво. Пришлось совать мизинец. Но мизинец короткий же. Мизинцем я нащупать ничего не смогла.

И вот что делать?

Я спрыгнула со стула. Задумалась.

Где-то здесь у Куца должна быть ручка или карандаш. Он, по старой учительской привычке, всегда его с собой таскает.

Я начала искать ручку или карандаш. Как назло, ничего не находилось. То ли я не там ищу, то ли он куда-то запрятал, но я тщетно шарилась по ящикам тумбочки, в шкафу и так далее. О том, что я везде щедро оставляю отпечатки пальцев, я старалась не думать – если что, скажу, что любовница. Отмажусь, в общем.

И тут мой взгляд упал на чемодан под кроватью.

Может, он в чемодане? Лезть туда было как-то неудобно, но выходить из номера, идти к себе, затем возвращаться – это ещё хуже. Так я стопроцентно попадусь.

А с другой стороны – лазить в чужих личных вещах – неэтично.

И как быть?

Но додумать мысль мне не дали – распахнулась дверь и в тёмную комнату, которая освещалась только за счёт уличного фонаря, скользнула тень.

Я чуть не заорала от ужаса.

– Любовь Васильевна! – трагическим шепотом сказала тень. – Это я, Белоконь.

– Бля... – выдохнула я, – как вы меня напугали!

– Извините, – ответила она, – я же в соседней комнате живу. Услышала шум. Дай думаю, гляну. А это вы.

– Мне нужно было...эммм... – я начала выкручиваться, тянула паузу и всё никак не могла выдумать причину, почему я нахожусь в тёмной комнате, опечатанной полицейскими, пока её хозяин в каталажке.

– Вы карту ищите, да? – вдруг спросила Белоконь, и я чуть не заорала от ужаса во второй раз.

– Эммм... – промямлила я.

– Она у меня, – сказала Белоконь, – когда они опечатали, я сразу сюда влезла и из карниза её вытащила. А то завтра же обыск будет, когда они ордер привезут...

Оказалось, что Белоконь слышала абсолютно все наши разговоры и была в курсе всех диверсий. Но она сильно обижалась, что её не посвящают. Поэтому хранила гордое молчание. Ждала, пока её сами позовут.

Нарушила она свою позицию дважды – когда привела к нам Гольдмана (он оказался её родственником), и вот теперь

с карнизом.

А мы по-свински так с нею.

Я сидела в своей комнате и размышляла, как помириться с Белоконь и приобщить её к нашим действиям, раз она так хочет. И тут в дверь тихо, но настойчиво постучали. От неожиданности я аж вздрогнула.

А когда открыла дверь, вздрогнула ещё больше: на пороге стоял... Ляхов, Роман Александрович. Он был бледный, глаза его бегали.

– Любовь Васильевна, – тихо сказал он и оглянулся, не слышит ли кто, – нам нужно поговорить... наедине...

– Да, конечно. Я сейчас одна, – растерянно сказала я, – Анжелика ушла к Ксюше, у них же завтра молодёжный стендап в колледже, вот и репетируют.

– Вот и прекрасно, – сказал Ляхов и вошел, захлопнув дверь.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.